

День закрытых дверей (сборник)

Автор:

Блейк Крауч

День закрытых дверей (сборник)

Блейк Крауч

Город в НигдеЭндрю Томас

Перед вами – вторая и третья части трилогии об Эндрю З. Томасе, начавшейся с романа-бестселлера «Пустошь. Дом страха».

Несколько лет назад знаменитый писатель триллеров Эндрю Томас попал в жуткий переплет – на его приусадебном участке были найдены тела изуверски убитых людей, и все улики указывали на него. Доказать свою невиновность Эндрю не мог, поэтому, спасаясь от преследования со стороны полиции и ФБР, он скрылся в канадской глуши, в Юконе. Здесь его никто не найдет... Так думает сам писатель. Но есть один человек – Лютер Кайт, кровавый маньяк, причастный к захоронениям на участке Томаса. Он не успокоится, пока не достанет Эндрю. И он уже расставил для своей жертвы дьявольски хитрую ловушку. Если Томас попадет в нее, то для него настанет бесконечный день закрытых дверей...

Блейк Крауч

День закрытых дверей

© Перевод на русский язык, С.Н. Самуйлов, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

День закрытых дверей

Ребекке

Слова благодарности

Прежде всего мне нужно поблагодарить чудесных людей. Мою жену, Ребекку, которая помогала всем, чем только могла. Люблю тебя, Бекка. Линда Аллен, Марша Маркланд, Анна Коттл и Мэри Элис Кир – самые толковые читатели и добрейшие люди. Моя писательская группа – Шэннон Ричардсон, Дайна Ливитт, Сьюзан Тирпак, Даг Уокер и Ричард Коч – предоставили необходимую информацию и помогли представить книгу так, чтобы ее могли читать и те, кто не читал «Пустошь. Дом страха». Богиня веб-сайтовского дизайна, Бет Тендалл, помогла сохранить мое присутствие в Интернете с изяществом и юмором. Сэнди Грин должна стать моим рекламным агентом в Северной Каролине. Энди Смит и Анна Уокер предоставили ценные сведения. Билл Смит объяснял, что такое гипноз, и едва не усыпил меня. Двойная благодарность чудесному писателю и изобретателю, Дагу Уокеру, показавшему, как изготовить домашний электрический стул. Мастеру фотографии, Полу Пеннингтону, – за фото автора. Овации достоин детектив Арт Холланд, проведший меня через все стадии уголовного расследования и помогший развязать важный узел в сюжете. Спасибо брату Джордану – за вдохновение и помощь с последними страницами. И, наконец, благодарственный поклон всем, кто работает в книжном магазине «Мария» в Дуранго, штат Колорадо.

Лютер

Для всех ангелов, живущих в этом городе,

Хотя они постоянно меняют форму,

Каждую ночь мы оставляем

Немного холодных картофелин

И чашку молока на подоконнике.

Обычно они живут в небесах,

Где, между прочим, возбраняется плакать.

Они помыкают луной, как вареным бататом.

Млечный Путь – то их насадка

со множеством птенцов.

Когда наступает ночь, коровы ложатся,

Но луна, этот большой бык, встает.

Энн Секстон «Запертые двери»[1 - Здесь и далее – пер. Дэмиэна Винсачи.]

Глава 1

Заголовок на странице «Искусство и досуг» гласил: «Готовится переиздание пяти триллеров предполагаемого убийцы Эндрю З. Томаса».

Увидев его имя, Карен Прескотт выронила «Нью-Йорк таймс» и подошла к окну.

Утренний свет вливался в ее тесный офис, захламленный письмами с запросами, главами-пробниками, сложенными в две стопки на полу возле письменного стола, и ящиком с гранками, задвинутым под горизонтальный шкаф. Глядя из окна, она видела растворяющийся туман и ползущие по Бродвею машины, только что появившиеся в разрыве облаков.

Прислонившись к книжной полке, на которой стояло немало книг, доведенных до публикации под ее непосредственным руководством, Карен поежилась. Ее всегда расстраивало любое упоминание имени Эндрю.

На протяжении двух лет ее связывали с популярным автором романтические отношения. Мало того, она даже жила с ним, когда он писал «Синее убийство», в том самом домике на озере в Северной Каролине, где впоследствии нашли многих из его жертв.

Она считала проявлением латентного дефекта личности тот факт, что не заметила в Энди ничего мрачного и зловещего, не считая разве что некоторой склонности к уединению, затворничеству.

Боже, а ведь я едва не вышла за него замуж.

Карен представила Энди на встрече с читателями в том книжном магазине в Бостоне, где они впервые встретились. А еще – в банном халате в кабинете, пишущим что-то, когда она принесла ему чашечку свежесваренного кофе («френч роуст», конечно). В хлипкой гребной шлюпке посредине озера Норман, где они занимались любовью.

Карен подумала о его покойной матери.

Об эксгумированных телах в его доме у озера.

Вспомнила его фотографию на сайте ФБР.

Они поместили там самую последнюю, черно-белую, на которой Энди, в спортивном пиджаке, сидел задумчиво на краю пирса.

В какой-то момент Карен перестала думать о нем как об Энди. Теперь он был Эндрю Томасом и воплощал в себе все ужасные образы, которые вызывала каденция этих четырех слогов.

В дверь постучали.

На пороге, в своем лучшем костюме, стоял Скотт Бойлин, издатель литературного импринта «Айс блинк». Наверняка собрался на вечеринку в «Даблдей», решила Карен.

Он улыбнулся и помахал пальцами.

Она сложила руки на груди и приняла серьезный вид.

Боже, Скотт выглядел сегодня изумительно – высокий, подтянутый, с густой шапкой черных волос, облагороженных имитациями серебра.

В его присутствии она чувствовала себя маленькой. В хорошем смысле. Самой Карен не хватало совсем чуть-чуть до шести футов, и лишь немногие мужчины смотрели на нее сверху вниз. Ей же нравилось смотреть снизу вверх на Скотта.

Они встречались последние четыре месяца – тайно. Карен даже дала ему ключ от своих апартаментов, где они валялись по воскресеньям в постели, читая рукописи и бросая на простыни заляпанные кофейными пятнами страницы.

Однако прошлым вечером Карен засекла его в баре в Сохо с прелестной молоденькой стажеркой. На деловую встречу их randevu явно не тянуло.

– Пойдем со мной на вечеринку. Потом посидим в «Иль пъяцца». Поговорим, разберемся. Это вовсе не то, что ты...

– У меня кучи непрочитанного. Надо нагонять.

– Не надо, Карен, не будь такой. Ну же...

– Не думаю, что это самое подходящее место для такого разговора, так что...

Скотт резко вдохнул через нос, и дверь за ним захлопнулась.

* * *

Когда сотовый заиграл мелодию «Staying Alive»[2 - Название знаменитой композиции группы «Би Джиз»], Джо Мак подкреплялся кебабом, и его круглые розовые щечки едва не лопались от жратвы, которую он заталкивал в себя.

- Это Джо, - сказал он.

- Привет... э... послушай, у меня тут интересная проблемка.

- Какая?

- Я в своей квартире, но не могу открыть замок изнутри.

- Так ты в ней заперт. - Джо Мак проглотил изрядный кусок кебаба.

- Совершенно верно.

- Какая квартира? - Он даже не попытался скрыть раздражение.

- Двадцать два одиннадцать.

- Фамилия?

- Э... Я, собственно, не живу здесь. Друг Карен Прескотт. Она...

- Да, понял. Тебе скоро уходить?

- Ну... э... Мне бы не хотелось...

Джо Мак вздохнул, захлопнул крышку телефона и отправил в рот остатки кебаба. Затем, вытерев о рубашку руки, с усилием поднялся с разболтанного вращающегося стула, протопал к двери и, выйдя, закрыл ее за собой.

В вестибюле было тихо для полудня, и двери лифта открылись сразу после того, как он нажал кнопку.

Поднимаясь, Джо сожалел о том, что взял на ланч два кебаба вместо трех.

Двери снова открылись, и он, выйдя на двадцать втором этаже, достал из кармана своего необъятного комбинезона связку ключей, среди которых был в том числе и мастер-ключ, и рыгнул.

Эхо пролетело по пустому коридору.

Черт, он уже проголодался.

Джо вставил мастер-ключ в замок и вполне легко повернул. Толкнул дверь, и она открылась.

– Привет. – Он остановился на пороге, с восхищением оглядывая апартаменты – просторная комната, телевизор с плоским экраном, синий ковер на полу, антикварный стол, восхитительный вид на Сохо и, возможно, загруженный под завязку холодильник. – Кто-нибудь есть?

Джо еще четыре раза повернул ключ в замке. Все работало идеально.

Где-то дальше по коридору открылась другая дверь. По деревянному полу застучали гулкие шаги. Джо Мак оглянулся – от лестничного колодца к нему приближался высокий черноволосый мужчина в черном пальто.

– Эй, приятель, это не ты только что звонил мне? – спросил Джо Мак.

Высокий незнакомец остановился у открытой двери с номером 2211. От него исходил странный запах «Уиндекса»[3 - «Уиндекс» – марка популярного в США средства для мытья окон.] и лимонов.

– Да, я.

– Так ты его все-таки открыл?

– Я там и не был.

– Тогда какого хрена ты мне звонил и...

Блеснула сталь. В руке у черноволосого оказался нож-боуи с костяной рукоятью. Мерцающее лезвие скользнуло поперек раздутого живота Джо Мака, рассекая деним, хлопок и несколько слоев кожи.

– Нет... стой... погоди...

Незнакомец поднял правую ногу и одним ударом отправил Джо за порог.

Комендант грохнулся на спину, а черноволосый последовал за ним в квартиру, захлопнул дверь и задвинул засов.

* * *

Карен вышла из «Айс блинк пресс» в половине седьмого вечера и сразу окунулась в безумный манхэттенский вечер; в узкой полоске неба между зданиями из позолоченного стекла и стали умирал солнечный свет. На календаре было четвертое октября, город купался в последнем блеске зрелой осени, и Карен, прошагав пятнадцать кварталов до своей квартиры в Сохо, решила, что не возьмется сегодня за чтение рукописи, лежавшей в ее кожаной сумке. Вместо этого она переоденется в атласную пижаму, выпьет бокал органического шардоне, купленного в магазине натуральных продуктов «Хоул фудс маркет», и посмотрит что-нибудь милое и непритязательное по телевизору.

Неделя выдалась тяжелая.

Самое время немного себя побаловать.

* * *

В 19:55 Карен вышла из спальни в приятно холодившей кожу черной атласной пижаме. Свои блондинистые волосы она, не расчесывая, собрала в пучок и

заколола палочками из заказанного навынос китайского фастфуда. Два еще не открытых пакета и бутылка вина уже стояли на стеклянном кофейном столике между диваном и телевизором. В комнате соблазнительно запахло ароматной говядиной с кунжутом.

Шлепнувшись на диван, Карен откупорила бутылку. Компакт-диск с записью «Nakedsongs» Эшли Чэмблис докрутил последний трек, и в наступившей тишине она ощутила свое полное одиночество.

Тридцать семь.

Одна. Без детей.

Но я не одинока, подумала Карен, включая телевизор и наливая в бокал вино.

Я просто одна.

Разница есть.

* * *

Посмотрев «Грязные танцы», Карен побаловала себя ванной. Она закрыла дверь, зажгла и поставила в стеклянный стаканчик ароматическую свечу с запахом песочного теста. По стенам запрыгала тень колеблющегося язычка пламени.

Вытянув длинные мускулистые ноги, скользкие от масла, Карен потерла ими одна о другую. Представив раздвигающую их другую пару ног, она закрыла глаза, погладила груди с набухающими сосками и двинулась ниже, к бедрам.

В гостиной зазвонил телефон.

Уж не Скотт ли Бойлин спешит с извинениями? Вино пробудило в ней иррациональные желания. А почему бы и не простить? Может быть, даже впустить его в ванну... Она еще помнила, как его мягкие ступни скользили по ее голеням. Позвонить и пригласить? Дать Скотту возможность объясниться. С вечеринки в «Даблдей» он должен уже вернуться.

Кто-то стучал в переднюю дверь.

Карен села, сдула облепившие голову мыльные пузыри, взяла за ножку бокал и допила вино одним глотком. Потом поднялась, накинула белый махровый халат и, покачнувшись, выступила из ванны на выложенный мозаичной плиткой пол. Она почти прикончила бутылку шардоне, и в голове у нее гулял теплый и приятный ветерок безрассудства.

Взяв курс на переднюю дверь, Карен пересекла гостиную. При этом она не заметила, что пакеты с отварным рисом и тушенной с кунжутом говядиной исчезли, а большая серая корзина для мусора переместилась и стояла теперь между телевизором и антикварным столом, унаследованным ею от матери.

Карен приникла к «глазку». Стоявший в коридоре паренек держал в руке огромный букет рубиново-красных роз. Она улыбнулась, отодвинула засов и открыла дверь.

– Доставка для Карен Прескотт.

– Это я.

Разносчик протянул вазу.

– Подожди минутку, я сейчас. – Язык у нее слегка заплетался.

– Не надо, мэ. Я свое уже получил. – Он кивнул и ушел.

Карен снова заперла дверь и отнесла цветы в кухню. Розы были прекрасны, как и ваза из граненого стекла. Она сняла и развернула приклеенную к вазе карточку. Сообщение не отличалось многословием.

Загляни в гардероб.

Карен хихикнула. Скотт точно заслужил прощение. Может быть, она даже сделает то, о чем он просил.

Она уткнулась лицом в розы, втянула сыровато-сладкий аромат. Потом подтянула пояс халата, подошла к гардеробу за диваном и открыла дверцу. Улыбка на ее губах мгновенно увяла.

Из гардероба на нее смотрел голый мужчина с черными волосами и бледным лицом. Он вытер рот тыльной стороной ладони и сглотнул. Между ног у него стояли коробки с остатками китайского фастфуда.

Глядя в его черные глаза, Карен ощутила разливающийся внутри странный холод.

- И что, по-вашему, вы тут делаете? - спросила она.

Незнакомец ухмыльнулся, а его желание проявилось еще очевиднее. Карен метнулась к передней двери, но успела лишь дотянуться до цепочки, когда он схватил ее за мокрые волосы и швырнул в настенное зеркало, которое разлетелось сотнями осколков.

- Пожалуйста, не надо, - всхлипнула она.

И получила удар кулаком в лицо.

Карен упала на усеянный стеклом пол, но почти не почувствовала боли - вино и страх заменили анестезию.

Глядя на его босые ноги, она думала о том, где и в каком состоянии найдут ее тело.

Намотав волосы женщины на руку, незнакомец оторвал ее голову от пола. Несколько мелких осколков уже впились в щеку. Он ударил ее еще раз.

Карен почувствовала, как кулак ломает ей челюсть, и решила притвориться, что потеряла сознание.

Еще один удар.

Притворяться не пришлось.

Глава 2

В тот же пятничный вечер Элизабет Лансинг лежала на травке у своего дома в Дэвидсоне, Северная Каролина, наблюдая за детьми, шумно плескавшимися в прохладных водах озера Норман.

Мысли Элизабет снова и снова возвращались к ее мужу Уолтеру.

Завтра они могли бы отметить свою семнадцатую годовщину.

Она поднялась и босиком спустилась к берегу.

Дженна, вцепившись в Джона Дэвида и применив удушающий прием, изо всех сил пыталась окунуть в воду своего младшего, но более сильного брата. Пройдя до самого конца пирса, Бет села в том месте, где ступеньки спускались в воду, и запустила пальцы в достававшие до плеч волнистые пепельно-черные волосы. Потом прошлась по морщинам, глубоко въевшимся в лицо за последние, жестокие годы. Бет знала, что не отличается красотой. Ну и что? Она была простушкой всю свою жизнь. Куда труднее смириться с тем, что ты выглядишь на пятьдесят, когда тебе лишь тридцать восемь. В последнее время Бет стала замечать, какой усталой выглядит. Возможно, будь рядом Уолтер, она не растеряла бы то небольшое, что имела...

Бет закатала до колен штанины джинсов.

Какой-то лихач на водном мотоцикле промчался через середину озера, невидимый, за исключением того короткого момента, когда он пересек полосу залитой лунным светом воды.

Ноги скользнули в жидкую сталь и коснулись первой облепленной водорослями деревянной ступеньки. Вечер выдался прохладный, и она потеряла голые руки. Октябрь – суровый месяц. Милый, неужели семь лет?

Через неделю ее поджидала еще одна годовщина – грядущий Хэллоуин станет семилетней отметкой исчезновения Уолтера. Писатель-убийца Эндрю Томас был близким другом ее мужа. Старый дом Эндрю до сих пор стоял на своем привычном месте – в роще на противоположном берегу озера. В прошлом году там кто-то поселился, и Бет испытывала странные чувства, снова видя свет за озером.

Обстоятельства, сопутствовавшие исчезновению Уолтера, и теперь, по прошествии семи лет, оставались странными и загадочными.

Холодным и сырым вечером 1996 года, в канун Хэллоуина, он усадил ее за кухонный стол и сообщил, что их семье угрожает ужасная опасность. Бет было сказано забрать детей и уехать. Объяснять, что случилось, Уолтер отказался, сказав, что важно только одно: незамедлительно увезти Дженну и Джона Дэвида из дома.

Бет до сих пор помнила глаза мужа в тот вечер – в них присутствовало то, чего она никогда не видела прежде: настоящий страх.

Неподалеку от ступенек на поверхности появились пузыри, а вслед за ними – голова Дженны.

Последний раз я видела любимого в зеркале заднего вида, когда уезжала с детьми в дождливую тьму. Он стоял на переднем крыльце, жестом показывая «я люблю тебя» и высоко поднимая руки в оранжевом свете фонаря. Больше она Уолтера не видела.

Его белый «Кадиллак» нашли через две недели в Вудсайте, штат Вермонт, рядом с мусорным баком. На водительском сиденье сохла его кровь.

В глубине души Бет знала, что ее мужа убил Эндрю Томас, но не могла даже представить почему.

– Давай, мам!

Бет спустилась на две ступеньки и стояла теперь по колено в воде.

– Слишком холодно, милая.

– Ты такая трусиха, – поддела ее Дженна, подбираясь к ступенькам. – Я могла бы просто столкнуть тебя.

– О нет, не смей!

Голова Дженны исчезла под водой, и Бет выбралась на пирс и с улыбкой огляделась.

– Вижу тебя! – крикнула она, хотя и не видела никого. – Вижу...

Мокрые руки обхватили ее, и Бет вскрикнула.

– Попалась, – сказал Джон Дэвид. – Сейчас окунешься.

– Не надо, Джей-Ди, – взмолилась Бет. Сыну еще не исполнилось двенадцати, но он уже был сильным и ловким. – Я – твоя мать, и, если ты столкнешь меня в воду, я буду помнить об этом всю жизнь. Ну как, оно того стоит?

Джон Дэвид вздохнул и разжал пальцы.

Бет отступила от края пирса и повернулась к сыну. А ведь через пару лет ты будешь выше меня. На безволосой груди ее мальчика блестели капельки пота.

– Хочу сказать тебе кое-что, – взяв строгий родительский тон, сказала она. – Ты меня слушаешь?

– Да, мам.

Голос все еще звучал по-детски высоко и звонко, до ломки оставалось не меньше года.

– Хочу тебе сказать... вот!

Бет столкнула его с пирса, и он с криком полетел в воду. Она рассмеялась, победно вскинула руки и крикнула:

- Никогда не недооценивайте мамочку!

Пока Джон Дэвид жаловался на несправедливость, Дженна дернула брата за лодыжки и утащила под воду. Поднятые водным мотоциклом круги достигли пирса.

- Я домой! - оповестила Бет. - Не задерживайтесь!

- Перестань, мам, сегодня же пятница!

Идя по пирсу, она подумала, что дети тронули ее, а разве это не самое главное?

Поднявшись от берега и ступив на прохладную траву, Бет оглянулась - посмотрела на детей, - а потом бросила взгляд туда, где в четверти мили от озера жил монстр. Вскоре после того, как в Вермонте нашли машину Уолтера, она получила письмо от Эндрю Томаса.

Подходя к дому, Бет думала, что выпьет вина и пересмотрит свадебный альбом, но за этими мыслями все еще звучали эхом слова из того давнего письма.

Дорогая Бет,

Прежде чем я начну, знай - я не убивал свою мать. И не верь тому, что пишут в газетах. Я говорю тебе это только для того, чтобы удостовериться: Уолтер мертв, и в его смерти виновен я. Мне очень, очень жаль. Хочу, чтобы ты знала, что он умер, защищая тебя, Дженну и Джона Дэвида. Он не страдал. Знай также, что благодаря нему ты и дети в безопасности. Уолтер похоронен в укромном месте, в сосновой роще. Я хотел бы лично донести до тебя эти новости, но пока мне приходится скрываться. Надеюсь, ты поймешь. Я не злодей. Я пытался сделать правильный выбор и буду пытаться делать это и дальше. Но в мире живет зло, и иногда одних только наших усилий недостаточно.

Энди

Глава 3

Меня зовут Эндрю Томас, и я живу в мире, который считает меня монстром.

Когда-то, давным-давно, я был писателем в жанре саспенс. У меня водились деньги. Я жил в красивом доме у озера в Северной Каролине. У меня имелись друзья и любовницы. Я пользовался уважением и чувствовал себя немножко знаменитостью.

А потом пришел некто и разрушил это все.

Его звали Орсон Томас. Он – мой брат, мы – двуйайцевые близнецы. Угрожая шантажом, он увез меня в уединенный домик в глуши Вайоминга. Орсон – психопат. Он показал мне ту мою сторону, бороться с которой я буду до конца жизни.

Но ужас случившегося в той глуши – это другая история. В конце концов я сбежал. Мой брат погиб. Его сообщника – жестокого и бессердечного типа по имени Лютер Кайт – я застрелил и оставил умирать привязанным к стулу на веранде дома Орсона в заснеженной пустоши.

Это было в ноябре 1996-го, и меня ждало возвращение в мир, который боялся меня и ненавидел.

Полиция обнаружила тела на участке возле моего дома на озере Норман.

На меня пало подозрение в смерти моей матери.

Меня подозревали в исчезновении Уолтера Лансинга.

Писатель превратился в серийного убийцу.

Орсон и Лютер подставили меня всеми мыслимыми способами.

Я не мог пойти домой.

Меня объявили в розыск.

И хотя во имя самосохранения я совершал сомнительные поступки, я никоим образом не был убийцей.

Так что пришлось податься в бега.

* * *

Жизнь мне спасла деревушка Хейнс-Джанкшн, что в Юконе.

Я нашел ее после двух лет скитаний – по селам Северной Мексики, полуострову Байя, городкам Америки.

Я отработал целое лето на складе пиломатериалов в Мейконе, штат Джорджия.

Продержался неделю официантом в Балтиморе.

Отпахал зиму на ранчо в Западном Техасе.

Я спал в палатках.

В приютах для бездомных.

В ночлежках.

В полях под звездами ясными прохладными ночами.

Я отрастил волосы.

Перестал бриться.

Позабыл, что такое ванна.

Я уходил из одних мест.

Приходил в другие.

Бросил писать.

Пристрастился к выпивке.

Я ездил в автобусах.

Автостопом.

Прокатился на товарняке через Южную Дакоту.

Я ни с кем не разговаривал.

Мое имя стало синонимом матереубийцы.

Я жил в постоянном страхе, никому не доверял и всех подозревал.

На стройке в Лондоне, штат Кентукки, бригадир спросил, люблю ли я читать триллеры. Может, он просто проявил дружелюбие. Выяснять я не стал – на следующий день меня уже не было.

Мое лицо появилось на постерах ФБР.

Меня обсуждали в специальных телепередачах.

Обо мне писали книги.

Мои книги разлетались, как горячие пирожки.

Люди хотели знать, как пишет серийный убийца.

Они говорили, что мои истории – это окна в душу зла.

Я стал знаменитостью – в дурном смысле.

Комичной и мрачной фигурой поп-культуры.

Мое имя вселяло страх.

Мое имя означало убийство.

Я никогда не был женат и привык жить один, но никогда не испытывал такого чувства покинутости.

Бездомный, преследуемый, одинокий.

Так жить невозможно.

В декабре, через два года после бегства из заснеженной пустоши в Вайоминге, я сел на автобус до Ванкувера, где купил билет на самолет и откуда улетел в Уайтхорс, до которого тысяча миль к северу.

Я взял напрокат машину и проехал полторы сотни миль на запад по Аляскинскому шоссе – до деревушки Хейнс-Джанкшн, что у подножия гор Святого Ильи. Деревню я знал хорошо – изучал для книги, которую так и не написал. Тихое, отрезанное от мира местечко, вполне подходящее для того, чтобы умереть.

Я съехал с шоссе, не доезжая до деревни. Со всех сторон меня окружал бесконечный хвойный лес. На западе маячили высоченные заснеженные горы. Температура держалась около минус тридцати. Серое, сумрачное небо и субарктическое солнце, нехотя обозначавшее свое присутствие над далекими пиками. Часы на приборной доске показывали 13:47. Я решил, что просто зайду в лес, сяду под деревом и замерзну до смерти. Вполне подходящий способ, чтобы уйти. Даже в каком-то смысле романтический. Мне вспомнился «Костер» Джека Лондона. Я ждал того теплого эйфорического покоя, который наступит ближе к концу.

Раздевшись до футболки, я открыл дверцу и ступил из машины на хрусткий снег. Холод стоял невероятный. Глаза мои словно загорелись.

Пройдя немного в глубь леса, я выбрал голую осину, сел, прислонившись спиной к серебристой коре, и стал ждать. Скоро меня начало трясти. Заурчало в животе. В голове мелькнула мысль: зачем умирать голодным? Я поднялся, вернулся к машине и поехал в деревню, население которой доходило до восьмисот человек, но серьезно сокращалось в суровые зимние месяцы. Припарковался в центре, перед закусочной «У Билла», на украшенной к Рождеству улице. Потянулся к дверце, но открыть не смог.

Я опустил голову на рулевое колесо.

И заплакал.

* * *

Но воспоминания о тех мрачных временах преследовали меня не часто. Я прожил в лесу за пределами Хейнс-Джанкшн пять лет, и этого времени хватило, чтобы стать другим человеком. Местные знали меня как Винсента Кармайкла, принимали за своего и описывали, наверное, как человека спокойного и дружелюбного. Я был для них американцем с длинными каштановыми волосами и неухоженной бородой. Меня знали все, но друзьями я так и не обзавелся. Здесь это никого не удивляло. Люди приезжали в эту укромную деревушку в северо-западном уголке Канады, потому что бежали от чего-то. Разбитых и побежденных Хейнс-Джанкшн притягивал, как магнит.

В туристический сезон я работал шеф-поваром на кухне в «Фонаре», одном из двух заведений высокой кухни в деревне. Заработка хватало, чтобы пережить зимние месяцы, с октября по апрель, когда занять себя было нечем и оставалось только сидеть под крышей возле огня.

Половина сбережений ушла на дом. В шести милях к западу от городка, в долине Шаквак, он стоял в нарядной роще, затерянный в бесконечном лесу. Из окна над кухонной раковиной за деревьями, ярдах в сорока от дома, в солнечный день была видна небольшая полянка. Лежа на травке, можно увидеть и национальный парк Клуэйн, и закованные в лед горы Святого Ильи,

поднимающиеся из этого леса в нескольких милях к западу. А в четверти милях к югу находилось озеро, в котором я даже плавал в теплые деньки короткого лета.

Я всегда ценил свое одиночество, а больше всего – сейчас, холодным пятничным вечерком, сидя в кресле-качалке на веранде.

За кронами деревьев сияли звезды. Созвездия четко выделялись на фоне темного неба.

В Юконе нет городов, которые пачкали бы небо искусственным светом.

Глубоко засунув руки в карманы жилета и покачиваясь в кресле, я закрыл глаза. Время от времени, в разгаре очередного приступа сюрреалистической ностальгии, отчетливо понимаешь, что к этому моменту интроспекции вела вся твоя жизнь, все те выборы, которые ты делал. Мне исполнился сорок один год, и я не мог воспринимать свою жизнь как нечто целое – слишком уж она переменчивая, слишком неорганизованная. А потому старался жить спокойно, не заглядывая далеко в будущее.

Опасность миновала. Смертоносные мысли об Уолтере, матери, вещах, которые я делал в Пустоши, отступили и вернулись в тюрьмы, построенные мною для них. Не приготовив ужин и не написав ни строчки из задуманного, я решил немного прогуляться. Поднявшись из кресла, стянул волосы в хвост и сошел с веранды. Протопанная оленями тропинка проходила через хвойную рощу, в воздухе висел густой аромат сока, ветки били по жилету, под ногами потрескивали прутьи.

Заканчивался октябрь – по ночам пруд уже прихватывало ледком, осень теряла силы и чахла, арка солнца заметно уменьшалась с каждым днем, и даже осины сбросили последние листочки. Лишь хвойные сохранили цвет, голубовато-зеленый с пепельным оттенком: одни – чахлые и низкорослые от суровых зим, другие – величественные, несмотря на близость – всего четыре сотни миль – полярного круга.

Я вышел к лужайке. Над деревьями на дальней стороне выступали ближайšie пики хребта Святого Ильи, могучие и строгие, укрытые слежавшимся, синим под звездами снегом. Горы эти тянутся на полторы сотни миль, через Юго-Восточную

Аляску к Тихому океану. Среди них и высочайшая вершина Канады, и самое большое неполярное ледяное поле в мире – замерзшая река в сто миль, сползающая в море со склонов ледяного хребта.

Но горы – всего лишь холодные и унылые кучи битого камня, когда в небе вспыхивает северное полярное сияние. Я смотрю вверх, в космос, и чувствую, что он трогает меня. Как было всегда.

Будучи южанином, видевшим северное сияние только на фотографиях, я всегда воспринимал этот светящийся феномен как своего рода натюрморт в небе. Но сегодня им оказалась мерцающая лента, появившаяся из некоего изначального пункта, прямо за горами. Она поднялась и выгнулась, зеленая грива, стелющаяся параллельно горизонту, волна раскаленных ионов в сорока милях над землей. Казалось, этот небесный пожар должна сопровождать божественная, неземная симфония, но ночь хранила молчание.

Дыша глубоко и свободно, я лежал на траве и смотрел в пылающее небо, полный восторга, который вызывало сознание того, что я дома.

Глава 4

Уже стемнело, когда Хорас Бун оставил свой трейлер в деревушке Хейнс-Джанкшн и покатил по однополосной дороге, проходившей мимо почтового ящика Эндрю Томаса, к перевалочному пункту хребта Святого Ильи. За четверть мили до длинного, извилистого проселка к дому Эндрю он свернул и поставил старенький «Лендкрузер» в лесу, так, чтобы его не было видно.

Расстояние отсюда до дома он преодолел за десять минут легкой трусцой. Сухопарый, молодой, Бун пробежал в темноте бо́льшую часть дистанции и, лишь увидев за деревьями освещенное окно, перешел на осторожный шаг.

Подкравшись к окну на боковой стене, он заглянул внутрь. Сердце колотилось, как бешеное. Бун наведывался сюда во второй раз, и из всех его приключений, приходившихся на пятничный вечер, это было самым волнующим.

Монстр мыл посуду у раковины, и по стенам еще прыгали отсветы огня. На нем были черные флисовые штаны, флисовые же носки в красную крапинку и теплая футболка. Длинные волосы падали на спину спутанной гривой.

На небольшом столике позади Эндрю лежала открытая книга. Похоже, он читал ее за ужином при свете фонаря.

Вытерев и убрав последние тарелки, беглый писатель подбросил дров в камин, поворошил уголья и поднялся по лестнице вверх.

Со своего наблюдательного пункта на холодке подглядывающий с трудом различил очертания предметов обстановки писательского кабинета: письменный стол, книжные полки, пишущая машинка и листочки для записей – штук двадцать, – приклеенные к балкам над головой. На одном из брусьев висел постер, посвященный Эдгару Аллану По. Идущий снизу поток воздуха покачивал его. Эндрю сел за письменный стол, и через стекло просочилось тихое постукивание по клавишам.

Писатель приступил к работе.

Хорас ухмыльнулся и еще раз окинул комнату взглядом, стараясь запомнить все детали. Вот они и будут самым важным.

Год назад, примерно в это же время, он ушел из программы литературной мастерской для соискателей степени магистра изящных искусств при Университете Аляски. Решение пришло в ходе встречи с факультетским советником, тридцатилетним профессором Байроном, самоуверенным новичком в академическом мире. Хорас решил, что представит в качестве итоговой работы сборник рассказов в жанре хоррор. Но когда он поделился этой задумкой с профессором Байроном, тот громко рассмеялся.

– Что? – спросил Хорас.

– Ничего, просто... Я хочу сказать, что, если вы рассчитываете сделать имя на...

– Меня воротит от жалобных излияний, действие которых происходит на кухне в пригороде.

– Думаете, мы здесь учим этому?

– Я думаю, у любой истории должен быть сюжет.

– Мистер Бун...

– Знаете, я пытался читать вашу книгу... э... как ее там... «Сражение со смыслами».

Байрон напрягся и поправил очки.

– Скукотища. Я не хочу так писать.

Профессор ядовито улыбнулся:

– А знаете, кто не счел ее скукотищей? – Он указал на вырезку из обзора «Нью-Йорк таймс», приклеенную к стене около книжной полки. – А теперь к делу, мистер Бун. Я не могу принять ваше предложение по теме. Приходите через неделю с настоящей идеей, или я вышибу вас пинком под зад. До весеннего семестра можете не возвращаться. До свидания. – С этими словами профессор повернулся на своем вращающемся кресле и начал писать электронное письмо.

Ровно через неделю Хорас вернулся с новым предложением – комиксом. Главным злодеем в нем был надменный тупица по имени Байрон, а его суперсила заключалась в способности лишать радости творчества мечтательных студентов-идеалистов. Герой рассказа, Хорас, чувствуя, что теряет суперсилу, врывался в офис профессора, кипя праведным негодованием.

* * *

После Дня благодарения он нашел работу в книжном магазине «Убийство по первому классу», неподалеку от кампуса. Днем Хорас помогал посетителям выбрать интересный детектив, а вечером садился за письменный стол и пытался сочинить что-нибудь для собственного сборника рассказов. Через две недели на его счету значилось двадцать начатых рассказов. Ни одного из них он не закончил. К январю на писательстве была поставлена точка – ни энергии, ни творческого зуда уже не осталось. Пережив зимние месяцы в Анкоридже и

пройдя через отчаяние и депрессию, Хорас Бун погрузился в уютную апатию. К черту сочинительство и чтение. Он жил ради мелких удовольствий – ящик пива «Роллинг Рок», реалити-шоу и сон. Мечта стать писателем ушла с легким поклоном, без жалоб и сожалений, и он даже не вспоминал о ней до того судьбоносного дня.

Дрожа от холода, наблюдая игру теней на спине Эндрю Томаса, Хорас Бун вспоминал холодный и солнечный апрельский денек, когда самый печально известный автор детективов вошел в книжный магазин в Анкоридже и придал его жизни новое направление.

Приглядываясь последние сорок минут к посетителю, листающему одну за другой книги на полках, я пришел к однозначному и неопровержимому выводу, что это не кто иной, как писатель-убийца, Эндрю Томас. Я узнал его, несмотря на густую всклокоченную бороду и длинные косматые волосы. Узнал по пронзительным глазам и мягкому рту.

Он подходит наконец к прилавку. Держится, как я и предполагал, настороженно и холодно, что неудивительно для человека, который видел и сам совершил такое, что большинство людей не смогли бы и представить. У меня потеют ладони и пересыхает во рту, язык делается неповоротливым и шершавым, как у кошки. Он кладет на прилавок пять книг в твердом переплете. Мы одни в этом тесном, чуть больше спальни, студенческом общежитии, магазинчике старых и новых детективов, триллеров и загадок. Внутри сумрачно. Пол и книжные полки из старого, сучковатого дерева. Окон нет, но это нельзя считать недостатком, ведь каждая книга – окно...

– Это все, сэр? – с трудом выдавливаю я.

Он кивает, а у меня дрожат руки. Просматриваю покупки: букинистический томик рассказов Эдгара По, Кафка, три детектива одного из современных авторов.

Я прислушиваюсь к ритму его дыхания, глубокого и спокойного. Втягиваю запах танина, идущий от его кожаной куртки. Взгляд Томаса скользит над моей головой по полке с выставленными на ней десятью бестселлерами «Убийства по первому классу».

– Сто три девяносто восемь, – говорю я.

Он указывает на кредитную карточку, которая уже лежит на прилавке. Я беру ее, чуть ли не хватаю, и смотрю на выбитое на пластике имя: Винсент Кармайкл.

Перевожу взгляд с кредитки на ее владельца.

Он смотрит на меня без всякого выражения.

Провожу картой по сканеру и возвращаю ее покупателю. Отрываю чек, кладу на прилавок рядом с ручкой и наблюдаю, как он расписывается – Винсент Кармайкл – легким, летящим почерком, несколько не похожим на его настоящий автограф.

Мне хочется заговорить с ним, сказать, что я прочел все написанное им. Но приходится держать язык за зубами, напоминая себе, какие слухи окружают этого человека. Если он узнает, что я узнал его, мне конец.

Я кладу пять книг в пластиковый пакет, протягиваю ему чек, и он выходит в холодный аляскинский полдень.

Я вижу, как он пересекает Кампус-драйв и садится на зеленую траву в тени можжевельника, острый, с ароматом джина запах ягод которого проникает даже в магазин. Тут и там вокруг него, под жидким солнечным светом и в тени разбросанных по поляне деревьев и кустов расположились студенты – одни читают, другие курят, третьи дремлют в перерыве между занятиями.

Я не свожу глаз с Эндрю Томаса, и адреналин закачивается в кровь, и вдохновение поднимает свою прелестную головку.

Я нашел свою историю.

Глава 5

В субботу я проснулся на юконском рассвете, натянул флисовый пуловер и сунул ноги в холодные туристические ботинки фирмы «Васк» – защититься от промерзших половиц. Стоявшая на прикроватном столике бутылка воды «Наджин» накрылась ледяной крышкой. Я посмотрел на камин и увидел, что от огня осталась горка теплого мелкого пепла.

Я вышел к поленнице. Заготовленная в сентябре, она достигала семи футов в высоту и двадцати в длину и занимала пространство между двумя мертвыми тополями, сожженными молнией прошлой весной. Пальцы тут же начали неметь, хотя руки и защищали кожаные перчатки.

Пока я набирал охапку дров, солнце поднялось повыше, и его лучи, пробившись между ветвями, согрели лесную подстилку. Термометр на веранде показывал минус тринадцать. Я подходил к двери, когда за спиной что-то щелкнуло. Я замер и медленно обернулся. Ярдах в двадцати от меня из хвойной чащи вышел здоровущий лось, в гигантских рогах которого застряли сломанные ветки. Неспешно прошествовав мимо поленницы, он направился, по всей вероятности, к озеру.

В доме я положил на металлическую решетку хворост и обставил растопку поленьями, как делают индейцы в вигвамах. Потом смял пару страниц местной газеты «Сент-Илайас эко» и засунул их под решетку. В камине еще оставались два-три горячих уголька. Бумага вспыхнула от них; от нее, в свою очередь, загорелся хворост – и скоро пламя уже лизало поленья, выпаривая скрытую влагу и распространяя аромат смолы.

Пока беззвучный хаос наполнял дом, я вышел в кухню и вытряхнул старую кофейную гущу из заварочного чайника. Потом поставил на газовую плиту кастрюльку с водой и помолот в ручной мельничке пару пригоршней обжаренных кофейных зерен. Пока готовился кофе, растекаясь по дому густым соблазнительным благоуханием зерен, я устроился у камина и перечитал десять отредактированных накануне вечером страниц. Новая книга шла легко. Я впервые взялся за автобиографию, своего рода исповедь и очищение, подлинную историю моего падения, трагедию успешного писателя, получившего клеймо подозреваемого в убийстве. Как раз накануне на ум пришло подходящее название. Если дело и дальше пойдет с набранной уже скоростью, второй черновик будет готов ко Дню благодарения. И пусть результатом усилий станет что-то путаное и беспорядочное, впереди вся зима – долгие дни промерзшей тьмы, – чтобы отполировать написанное до блеска.

Возвращение к привычной, но заброшенной работе отозвалось приятным и немного странным ощущением, как будто я взялся за что-то, что делал давным-давно, в другой жизни.

* * *

После завтрака я сел в свой «Си-Джей 5» и отправился в Хейнс-Джанкшн. Дорога туда, даже по допотопной Бореалис-роуд, занимала не более пятнадцати минут. На подъезде к деревне я проскочил через осиновую рощу. Деревья сбросили листья еще месяц назад, и я попытался представить, как выглядела роща тогда, когда еще висели на ветках сухие шафрановые листья, и не походила ли она, если смотреть сверху, на золотую чешуйку.

Поскольку никаких покупок в магазине «Мэдли» я делать на этой неделе не планировал, то припарковался у отеля «Ворон» и зашагал дальше пешком по пустынному тротуару Ключэйн-бульвар.

В летние месяцы деревня кишела туристами. Приезжали главным образом ради гор, поднимавшихся из леса всего в пяти милях к западу. В значительной степени экотуризм стал результатом появления в деревне трех гостиниц, пяти ресторанчиков, двух магазинчиков, торгующих туристским снаряжением, художественной галереи и многочисленных сувенирных лавок «Коренные народы». Но к октябрю, когда дни стали заметно короче, а у подножья гор лег свежий снег, туристы уехали, гостиницы и ресторанчики закрылись, и человек сто, включая меня, остались без работы на всю долгую зиму.

Я остановился под навесом у «Фонаря». За последний час тонкая облачная гряда подобралась ближе, и теперь солнечный блеск рассеивала туманная пленка. В воздухе пахло снегом, и я, хотя и не слышал прогноза, решил бы поставить зарплатный чек – за которым, собственно, и приехал – на то, что со стороны Тихого океана идет буря.

Я вошел в «Фонарь». Джули, миниатюрная представительница аборигенов Эйшихика, открывшая ресторан шесть лет назад, пылесосила в небольшом обеденном зале. Заведение выглядело именно так, как и должно выглядеть лучшее заведение на окраине Юкона: приглушенный свет, белые бумажные скатерти, пластмассовые цветы и внушительная карта вин – как красных, так и

белых. Чтобы работать здесь со всем радушием, пришлось задушить в себе сноба.

Увидев меня возле подиума хостессы, Джули выключила пылесос.

- Твой чек в задней комнате. Сейчас принесу.

Она прошла через вращающиеся двери в кухню и тут же возвратилась с моим последним за сезон чеком.

- Что здесь сегодня? - поинтересовался я.

- Клуб «Лайонс» устраивает банкет. Я бы, Винс, и тебя задействовала, но ты же без телефона, и мне легче позвонить Дугу, чем ехать шесть миль за тобой. - Она протянула мне конверт. - Приходи ко мне весной, если понадобится работа. Сам знаешь, место за тобой.

- Спасибо, Джули. Думаю, зимой еще увидимся.

На улице я перешел на другую сторону. Часы показывали 10:30, и «У Билла» было пусто. А вот в парикмахерской и солярии, зажавших закусочную с обеих сторон (Завей и Покрась и Продуби Шкуру), посетителей хватало.

Я заказал пирожное «Медвежья лапка» и чашку черного кофе. Билл был родом из Флориды и в Хейнс-Джанкшн перебрался больше двадцати пяти лет назад. Говорили, что он ветеран Вьетнама, но сам Билл никогда об этом не упоминал, поэтому и я не затрагивал эту тему. Будучи американцем, он не делал многого из того, чего традиционно ожидают от патриотично настроенного гражданина США: не поднимал «Олд Глори»[4 - Распространенное название государственного флага США.] и не запускал фейерверки на День независимости. Фактически за все время я лишь однажды услышал его отзыв о родной стране. Случилось это прошлой зимой, когда в Вашингтоне разразился какой-то скандал, заинтриговавший даже местных. Тутошний парень, владевший Эй-ти-ви и агентством по продаже снегоходов, находившимся на той же улице, спросил Билла, что тот думает о состоянии дел на его родине.

Билл вытирал стойку, но, услышав вопрос, остановился и пристально посмотрел на клиента, сидевшего перед ним на табурете. Белая шерстистая борода и изрезанное шрамами лицо делали его похожим на измученного жизнью Санта-Клауса.

– Я не для того переехал в рай, чтобы следить за тем, что творится в аду. – Вслед за этим Билл грохнул кулаком по стойке, чем привлек всеобщее внимание. Я сидел в кабинке один на один с тарелкой чили «Черный медведь». – Слушайте! – продолжал он. – Хотите обсуждать текущие события в Штатах – занимайтесь этим где-нибудь еще. В своей закусочной я это слушать не намерен.

Впрочем, в это тихое утро и Билл настроен миролюбиво и дружелюбно. В заведении играл Бах, а сам хозяин записывал что-то в журнал.

Вручив мне сдачу, он поинтересовался моим мнением насчет того, стоит ли ждать снега. Я ответил, что надеюсь, и он с улыбкой признался, что и сам этого ждет.

Временами я задавался вопросом, а не подозревает ли меня Билл. Когда мы встречались взглядами, в его глазах мелькало что-то родственное. Но Билл меня не беспокоил. Скорее всего, в Хейнс-Джанкшн нас привели разные обстоятельства, но мы оба хотели одного и того же – и получали это здесь. Думаю, мы чувствовали, что можем положиться друг на друга.

Забрав кофе и пирожное, я вышел из закусочной и направился к последнему на улице зданию, двухэтажному строению, более напоминавшему лыжную базу, чем публичную библиотеку. С другой стороны, местное пасторальное сообщество такая архитектура вполне устраивала.

Между тем тучи продолжали сгущаться. Холодало.

Я хотел вернуться домой до того, как начнется снегопад.

На первом этаже библиотеки имелось собрание книг, почти умиленное по степени своей неполноценности. Но я пришел сюда не за книгами.

Пройдя мимо стола библиотекаря, я поднялся по винтовой лестнице на второй этаж, где находились архивы периодических изданий, рабочий кабинет и компьютерная лаборатория с единственным в Хейнс-Джанкшн коммутируемым выходом в Интернет.

Я вошел в лабораторию и сел за одну из трех свободных рабочих станций.

Соединение шло медленно.

Я развернул еще теплую «Медвежью лапку» и снял пластмассовую крышку со стакана с кофе, надеясь всем сердцем, что зловерный библиотекарь не застучает меня с контрабандой.

Первым делом я проверил почтовый ящик и обнаружил несколько сообщений от друзей в «Живом журнале», так что следующий час ушел на чтение новой почты и ответы.

Несколько лет назад я прикончил бы себя за одну только мысль о том, чтобы завести друзей в онлайн. Я думал тогда, что это будет очевидный признак жалкого одиночного существования. Теперь этот канал был дорог мне как единственный способ серьезного общения с реальными людьми.

Вынужденный в силу обстоятельств скрываться, я сторонился соседей. Как бы кто из местных ни был мне симпатичен, устанавливая более или менее прочную связь, я подвергал бы опасности свою свободу.

Прожив в Хейнс-Джанкшн пять лет, я не принял у себя дома ни одного гостя и сам не ответил ни на одно приглашение. Конечно, я с удовольствием провел бы Рождество или День благодарения с кем-либо из тех интересных людей, которых встретил здесь за этот срок, но это было слишком рискованно. Ценой моей свободы являлось одиночество.

Однако в общении с сообществом «Живого журнала» я мог быть откровенным – пусть и шифруясь, – так же, как и они могли распахнуть душу передо мной. Товарищеские отношения с ними приносили мне огромное удовольствие и успокоение. Я больше не стыдился себя.

Отправив последний за день и-мейл, я оглянулся через плечо и посмотрел в окно. Отличить далекий хвойный задник от серых стен зданий на другой стороне улицы было невозможно, но на его фоне снежная дымка проступала явно.

Я улыбнулся.

Первый снегопад нового сезона все еще волновал того мальчишку-южанина, который жил во мне до сих пор и который провел большинство своих зим в Северной Каролине, где метели – большая редкость.

Прежде чем уйти, я открыл веб-страницу местной новостной станции в Шарлотт, штат Северная Каролина. Я просматривал веб-сайт каждый раз, когда приходил в компьютерную лабораторию, и только таким способом мог убедиться, что с ними – Элизабет, Джоном Дэвидом и Дженной, семьей, которую я лишил мужа и отца, – ничего не случилось.

Впрочем, даже если б с ними и случилось что-то, я никогда об этом не узнал бы, а если б и узнал, то не смог бы предупредить беду. Просмотр новостей о жизни Шарлотт и его пригородов некоторым образом успокаивал, пусть даже это наблюдение за женой и детьми лучшего друга было всего лишь символическим жестом. Просмотрев заголовки новостей и не обнаружив в них упоминания о Лансингах, я ввел в поисковую строку имена Бет, Дженны и Джона Дэвида. Ничего. За все время положительный отклик случился лишь однажды, и касался он Дженны, которой в августе исполнилось тринадцать. Прошлой зимой она, участвуя в школьных соревнованиях, выиграла заплыв на сто метров вольным стилем. Я даже нашел ее результат на сайте школы. Мне так хотелось отправить ей поздравительную открытку. Лансинги по-прежнему жили в том доме на озере Норман. Но, насколько я мог судить, Бет не сомневалась, что ее мужа убил я. Пришлось довольствоваться меньшим. Магнитик в форме нарт до сих пор прижимал распечатанную страницу с результатами и именем Дженны к дверце моего холодильника.

* * *

Из библиотеки я вышел уже в полдень. К этому времени весь Ключэйн-бульвар, припаркованные автомобили, деревья и крыши домов покрылись дюймовым слоем снежной пудры. Я застегнул телогрейку, натянул на уши черный тобогган и зашагал по тротуару к своему внедорожнику.

Деревня укрылась тишиной.

Я почти слышал, как падает снег, и уже представлял, как вернусь домой, растоплю камин и буду, наслаждаясь покоем и теплом, писать, пока лес наполняется снегом.

Боже, как же мне нравилась эта жизнь...

Глава 6

Карен Прескотт очнулась в темноте.

Она села и ударилась головой о панель из звуконепроницаемого пенопласта.

Сознание вернулось полностью.

Поводив вокруг руками, Карен нащупала знакомые, пусть и невидимые предметы ее крохотной черной вселенной: две пустые бутылки из-под воды возле босых ног, моток веревки, солнцезащитные очки, одеяло.

В голове пульсировала боль, горло пересохло, ныла сломанная челюсть, кровоточили пальцы, которыми она выбирала из волос осколки стекла. Автомобиль стоял на месте, мотор умолк впервые за несколько часов. День сейчас или ночь? И сколько она пролежала в банном халате на жестком вонючем коврике в лужице собственной мочи?

Далеко ли от манхэттенской квартиры ее увезли?

Куда подевался тот мужчина с длинными черными волосами?

Может быть, машина стоит перед каким-нибудь ночным магазином и похититель отправился в туалет, или стоит за стаканчиком газированной воды, или подписывает счет по кредитной карточке? А может, они припарковались на стоянке «Куолити инн» и он лежит на кровати в номере мотеля и смотрит порно?

Что, если у него случился сердечный приступ?

Поступает ли в багажник воздух?

Что, если похититель не вернется?

Что, если каждый вдох уменьшает запас воздуха?

В конце концов он все равно меня отпустит. Он обещал. Я молчу до...

Какой-то звук.

Детский смех.

Звук приглушенный, но слышимый.

Порвать изоляцию и позвать на помощь?

Но похититель предупредил, что, если она закричит или ударит по крышке багажника – даже хотя бы раз, – он убьет ее медленно.

И Карен ему поверила.

Водительская дверца открылась и захлопнулась. Значит, все это время он был в машине. Проверял ее? Хотел посмотреть, не закричит ли она?

Шаги неторопливо удалились. Провести пятничный вечер одной в квартире – это не одиночество. Одиночество – здесь, в багажнике.

Глава 7

Мы с Джошем и Майки играли со слизнем и увеличительным стеклом, которое я взял из комнаты старшего брата. Его зовут Хэнк, и ему одиннадцать. Мне только

семь, и это такое гадство...

Майки нашел слизня на подъездной дорожке перед тем, как идти в церковь. Он не боится слизней, поэтому подобрал его и положил в стеклянную баночку в гараже. Я тоже их не боюсь. Просто не люблю до них дотрагиваться.

Мы играли в самом конце нашей улицы, где уже нет никаких домов. Мама говорит, что если меня так тянет играть на дороге, то нужно играть только там, потому что туда не заезжают машины. Она не хочет, чтобы я попал под колеса.

Майки достал слизня из баночки и положил на дорогу. Слизень медленно пополз, и за ним оставался липкий след. Джош сказал, чтобы я навел на него увеличительное стекло. Он такой, любит иногда покомандовать, но он больше меня, и мне приходится делать, что он скажет.

– Уберись, червяк, не заслоняй свет, – сказал Джош Майки, и тот сразу отступил. Майки боится Джоша больше, чем я. Джошу девять, и у него есть пневматический пистолет.

Когда Джош повернул увеличительное стекло к солнцу и поднес к слизи, у того на спине появилось светлая точка.

– Что ты делаешь? – спросил Майки.

– Ничего. Просто смотрю.

– Что ты делаешь? – повторил Майки.

– Заткнись! Я пробую сосредоточиться! Мне Билли показал, как это делать.

Я тоже хотел узнать, что он делает. Смотреть, как Джош держит стекло, не очень-то интересно. Потом слизень начал дымиться. Джош засмеялся.

– Вы это видите?

– Что ты делаешь? – снова спросил Майки.

– Я его поджигаю.

Майки встал и в слезах пошел домой. Ему всего только шесть лет, и мама говорит, что у него слишком доброе сердце. Джош спросил, хочу ли я подпалить слизня, и я ответил, что нет, не хочу. Слизень больше не полз. Или, может, полз, я не заметил.

Кто-то громко свистнул, и Джош вскинул голову.

– Моя мама. – Он бросил увеличительное стекло на землю и побежал по улице. Я посмотрел ему вслед. Джош бежит очень быстро, а еще очень боится свою маму. Она стала злая после того, как умер его папа.

Я встал и на всякий случай – а вдруг ему больно – наступил на слизня. А он взял и приклеился к подошве, как жвачка. Я уже собрался домой, когда из серой машины в конце улицы, возле леса, вышел человек. Очень высокий, с длинными черными волосами. Вышел и пошел в мою сторону. Я испугался, но незнакомец на меня даже не взглянул.

Потом из кармана у него что-то выпало и осталось на дороге, а он не заметил.

Я подошел и поднял. Это была какая-то штучка, блестящая и на вид дорогая.

– Мистер! – крикнул я. Незнакомец обернулся. – Вы обронили вот это.

Он вернулся и посмотрел на меня, но не улыбнулся. Большинство взрослых улыбаются детям.

– Вы обронили...

Высокий протянул руку, и я положил блестящую штуку ему на ладонь.

– Что это?

– Лазерная указка. Она светит лазерным лучом.

У него были страшные зубы, темные и неровные, как будто он никогда их не чистил.

- Как? - спросил я.

- Открой ладонь, я покажу. Ну же, больно не будет.

Я открыл ладонь, и на ней появилось красное пятнышко. Классная штучка, я такой еще не видел.

- Ты бы посмотрел ночью. В темноте луч может дойти до другого берега озера Норман. Но с ней надо быть очень осторожным. Посветишь себе в глаз - и можешь ослепнуть. Хочешь попробовать?

- Да, сэр.

Он протянул мне лазерную указку. Я нажал на кнопку и навел луч на его руку.

Незнакомец сел у дороги и забрал у меня указку. Потом достал из кармана желтую конфету и сунул себе в рот. Я тоже хотел конфету, но просить не стал.

- Как тебя зовут? - Теперь он улыбнулся.

- Бен Уортингтон.

- Бен, ты хорошо поступил, когда сказал, что я потерял эту штучку. Ты не смог оставить ее себе. Ты - честный мальчик. Если б я дал ее тебе, ты был бы осторожен и не стал бы светить себе в глаза?

- Я был бы осторожен.

- Сейчас дать ее тебе я не могу. Мне нужно ею воспользоваться, но...

- Почему?

- Я потерял кое-что в туннеле и должен найти с помощью указки.

Я так расстроился, что не могу получить ее прямо сейчас.

- Но, может быть... Нет, лучше не надо. Твои родители, наверное, не разрешат...

- Разрешат.

- Нет, не думаю.

- Они точно разрешат.

- Бен, если я дам тебе указку, не показывай ее папе и маме. И брату не показывай. Он украдет ее у тебя и будет играть с ней. А родители заберут и выбросят.

- Я им не скажу.

- Обещаешь?

- Да, обещаю.

- Обо мне ты им тоже не скажешь.

- Не скажу.

- Вечером, попозже, я постучу в твое окно. Ты подойдешь к задней двери и откроешь ее, а я передам тебе указку. Сможешь сделать это, Бен?

- Да, смогу.

- Сделать все нужно очень тихо. Если кто-то проснется и увидит меня, мне придется уйти, а ты останешься без лазерной указки. Ты ведь хочешь ее получить?

- Да, сэр.

– Скажи, что хочешь.

– Я хочу ее получить.

– Скажи еще раз.

– Я хочу ее получить.

– Ты хороший, послушный мальчик. А сейчас мне пора идти. Увидимся вечером.

– Можно посветить еще раз?

Незнакомец вздохнул. Я подумал, что откажет, но он кивнул:

– Ладно, еще разок.

Глава 8

Лютер Кайт сидит, свесив ноги, на самом толстом суку, в пятнадцати футах от земли. На Шортлиф-драйв тихо – время ужина и детей позвали домой. В каждом доме теплый свет за окном и привычное для воскресного вечера оживление.

Урчит в животе. Он еще не ел. Поест потом, позже, потому что это – Северная Каролина, родина «Уофл-Хаус», которые никогда не закрываются. Там он проглотит горку блинчиков и омлет, связку сосисок, копченый бекон и гритс[5 - Кукурузная каша с помидорами и сыром.] и зальет это все кленовым сиропом. Особенно бекон.

Ветер трогает ветви и медленно, как в кино, несет по улице яркие умирающие листья. Небо потемнело, скрыв силуэт водонапорной башни, еще минуту назад нависавшей над ладанными соснами за озером. Теперь на ее присутствие указывает только красный огонек на самом верху.

В октябрьский вечер холодает быстро.

В доме, который он выбрал, будет тепло.

Лютер улыбается, закрывает глаза и прислоняется головой к коре.

Всего-то четыре часа.

Луна поднялась высоко над горизонтом с выписанными на нем каллиграфическими соснами, залила пустую улицу синим серебром. Он спит, сидя на суку совершенно неподвижно, вдыхая запах сока, сладкий и пикантный, как у бурбона.

Глава 9

Информация с кредитной карточки позволила Хорасу Буну отследить Эндрю Томаса до почтового отделения в Хейнс-Джанкшн, Юкон.

Но спешить с отъездом он не стал.

С апреля до августа Хорас продолжал работать в Анкоридже, откладывая все заработанное. В сентябре он ушел из книжного магазина, сдал свой скудный скарб на хранение и отправился на верном «Лендкрузере» в Юкон – с четырьмя тысячами долларов, чемоданом с одеждой и слепой верой в успех своих поисков Эндрю Томаса.

По прибытии в Хейнс-Джанкшн Хорас расположился в центр городка, наблюдая за редкими прохожими в надежде увидеть того, кто нужен.

На пятое утро, уже одолеваемый сомнениями – а не совершил ли он громадную ошибку? – Хорас увидел того самого длинноволосого мужчину, который несколько месяцев назад удостоил своим посещением книжный магазин «Убийство по первому классу». Теперь он вошел в «Мэдлей» – за почтой.

Настроение поднялось.

На следующий день, свой двадцать четвертый день рождения, Хорас снял издавший виды трейлер на краю деревни и приступил к подготовительной работе над книгой, которая – в это он свято верил – должна была принести ему богатство и писательскую известность. Спустя неделю он предпринял ночную вылазку к жилищу Эндрю Томаса и некоторое время наблюдал за ним издали, в бинокль.

Еще через неделю Хорас подкрался к боковому окну и наблюдал, как беглец моет посуду после ужина, а потом пишет что-то допоздна в комнате наверху.

Теперь, в середине октября, на четвертой неделе пребывания в Хейнс-Джанкшн, он решил предпринять первое по-настоящему решительное действие.

Было утро понедельника, и в тени под деревьями еще лежал снег, выпавший два дня назад. Полная, но блеклая луна висела в голубом небе мутным больным глазом.

Хорас сидел за рулем «Лендкрузера», припаркованного на уже привычном месте между деревьями. «Джип» Эндрю Томаса промчался мимо точно по расписанию, оставляя за собой облако пыли. В такое тихое утро пыль могла продержаться в воздухе не меньше часа.

Хорас закрыл фиолетовый, на кольцах, блокнот и положил его на пассажирское сиденье.

Он уже закончил черновик второй главы своих мемуаров с предварительным названием «Охота на Зло: мои поиски Эндрю Томаса». Работа оказалась настолько увлекательной и волнительной, что у него возникли проблемы со сном. Упустить такой шанс Хорас не мог, потому что был, возможно, единственным человеком в мире, который знал, где скрывается самый печально известный убийца последнего десятилетия.

Хорас Бун вырос в бедности.

Он не был хорош собой.

Не пользовался популярностью в школе.

Писательство было для него всем.

После двадцати четырех лет созерцания в зеркале неудачника с тупой физиономией он заслужил право на успех.

* * *

Выбравшись из «Лендкрузера», Хорас зашагал по тропинке к дому Эндрю, то и дело оглядываясь и проверяя, не оставил ли он следов на лежавшем кое-где снегу.

Вскоре за деревьями показался дом.

Хорас поднялся на крыльцо.

Повернул дверную ручку.

Предположение оказалось верным: люди, живущие в глуши, редко запирают двери.

Он переступил порог. Сердце трепетало в эпилептических конвульсиях, восторг сменялся ужасом. Расстегнув куртку, Хорас положил ее на кушетку и приказал себе успокоиться. «Джип» Эндрю даст знать о себе задолго до того, как достигнет дома.

Он прошел вперед и еще раз оглядел жилище монстра, откладывая в память каждую деталь: горку посуды в раковине, недоеденный пирог на столе, золу в потушенном камине, медвежью шкуру под ногами. В доме пахло дымом, печеной малиной, вяленой олениной и хвоей. Под ногами поскрипывали половицы. Неужели это не сон?

Он расшнуровал ботинки, прошел в носках через комнату и поднялся наверх. Первым в глаза бросился постер с Эдгаром Алланом По, его мятежные меланхоличные глаза. Потом – приклеенные к балке листочки:

описать ту женщину в толстом розовом жакете, которая слышала крики Орсона в багажнике

Осторожно переступив развернутую дорожную карту Вайоминга, Хорас оказался перед письменным столом Эндрю Томаса с теснящимися на нем пишущей машинкой, словарем, Библией, тезаурусом и справочником по североамериканским деревьям.

То, зачем он пришел, отыскалось в среднем ящике – стопка страниц, сложенных аккуратно между коробками с красными фломастерами. Хорас сел на стул и дрожащими руками поднял рукопись. О чем, черт возьми, пишет этот человек?

Титульная страница выглядела так:

«Пустошь. Дом страха»

подлинная история

Эндрю З. Томаса

Какой-то звук снаружи отвлек его от чтения, заставил замереть и прислушаться. Ничего. Наверное, просто ветер в елях. Он положил на стол титульную страницу и прочел короткое предисловие.

Описанные далее события произошли в течение семи месяцев, от 16 мая по 13 ноября 1996 года.

«И спасся я один, дабы известить тебя»

Книга Иова 1:17

Он отложил страницу и перешел к первой главе.

В тот чудесный майский вечер я сидел за письменным столом, наблюдая за тем, как солнце садится за озером Норман. До этого момента день был просто превосходным. Я встал в пять утра, как обычно, и, как всегда, приготовил на завтрак омлет и миску свежих ананасов. В шесть часов я уже сел за работу и не останавливался до полудня...

Глава 10

В Северной Каролине ночь. Лютер слезит с дерева и, оказавшись на земле, проверяет время и стряхивает пыль с джинсов. Потом надевает рюкзачок, в котором у него набор профессиональных инструментов: клейкая лента, латексные перчатки, револьвер калибра.357, маленький магнитофон, сетка для волос, две пары наручников, четыре пакета «зиплок», точильный камень, нож-боуи, изготовленный из пятидюймового боевого лезвия и костяной рукояти. Нож Лютер забрал семь лет назад из дома Орсона Томаса. Он дорожит им и подумывает о том, чтобы дать ему имя.

Шортлиф-драйв тянется на четверть мили вдоль берега, залитого лунным светом озера, и начинается и заканчивается тупиком. Построенные на просторных лесистых участках, дома погружены в сладкую пригородную тишину.

Идя по дороге, Лютер регистрирует каждый звук: стрекотанье сверчков, которые умолкнут до конца месяца, шум летящего в темной высоте самолета, гудок ползущего вдалеке поезда.

Уортингтоны живут в кирпичном доме в стиле ранчо, с длинными карнизами. От тупика дом второй по счету и окружен со всех сторон высокими раскидистыми дубами. Света нет. Ставни не закрыты, и Лютер думает, что было бы неплохо посидеть на подъездной дорожке, глядя в комнаты, которые он скоро посетит. Но в половине второго ночи на жилой улице так себя не ведут. Лютер проходит мимо «Вольво» и минивэна, бамперы которых украшены стикерами. Мимо боковой стены крадется в задний двор. Трава спускается к самой воде, туда, где

в озеро уходит разваливающийся причал. В центре лужайки висится громадный дуб, на могучих ветвях которого, футах в двадцати над землей, разместился домик. Над головой висят веревочные качели. В тихую октябрьскую ночь они абсолютно неподвижны, как минутная стрелка часов, которые не показывают больше время.

Под окном мальчика Лютер опускается на колени. К счастью, старый дуб заслоняет его от яркого света полной луны. Он расстегивает рюкзак и достает латексные перчатки. Потом завязывает в хвост волосы, натягивает сетку и поднимается.

Окно оказывается на уровне пояса.

Он заглядывает внутрь.

Мальчик лежит в постели. На стене, возле открытой двери, ночник рассеивает по комнате оранжевый свет. С потолка тускло мерцают карикатурные звезды.

Лютер нацеливает лазерную указку на подушку мальчика. Красная точка движется по лицу и останавливается на веке. Мальчик дергает головой, трет глаза и снова засыпает. Красное, как кровь, пятно снова находит веко. Мальчик садится.

Лютер дважды стучит по стеклу костяшками пальцев.

Семилетний Бен Уортингтон поворачивается к окну и видит темную фигуру. Он смотрит на красное пятно у себя на груди, потом снова на Лютера и улыбается, вспоминая.

Лютер тоже улыбается.

Бен машет ему и спускается с кровати. Проходит в пижаме по разбросанным деталям «Лего». На левой щеке у него след от подушки.

– Эй! – говорит он.

Лютер подносит к губам указательный палец и показывает лазерную указку, держа ее между большим и средним пальцами.

Короткий разговор шепотом. Мужчина и мальчик договариваются встретиться у задней двери.

Глава 11

Прошло четыре часа, прежде чем Хорас Бун вернул рукопись в ящик. Секунду-другую он еще сидел, глубоко шокированный, на стуле. Если верить предисловию, утверждавшему, что вся эта история – чистая правда, то Эндрю Томас – несчастнейший из людей.

Хорас спустился вниз, надел и зашнуровал ботинки, застегнул куртку и вышел в преждевременно нагрянувшие сумерки. Возвращаясь к «Лендкрузеру», он думал об Орсоне Томасе и Лютере Кайте, сломавших жизнь Эндрю Томасу.

В душе его зажглась лучина сострадания.

Тому, кто много лет слышал об Эндрю Томасе только ужасное, поверить рукописи было трудно. Может быть, все содержащееся в ней – ложь. Но зачем врать человеку, живущему на краю света и под чужим именем? Что, если на самом деле монстры – Орсон и Лютер?

Теперь Бун уже бежал через лес; глаза слезились от холода. В какой-то момент его осенило, и Хорас рассмеялся.

Забираясь в «Лендкрузер», он уже знал, что должен сделать ради своей будущей книги.

В свой следующий визит Хорас подъедет прямо к дому Эндрю Томаса, постучит в дверь и вежливо попросит предполагаемого серийного убийцу об интервью.

Глава 12

Бен Уортингтон отодвигает засов – за стеклянной панелью ему улыбается Лютер. Как только мальчик открывает заднюю дверь, Лютер протягивает руку и разжимает длинные тонкие пальцы. На ладони – вожденная лазерная указка.

– Вся твоя, – шепчет Лютер.

Мальчик выходит на веранду, не сводя восторженных глаз с того, о чем думал всю вторую половину дня и весь вечер.

– Ты плохой мальчик, Бен, – говорит Лютер и одним быстрым движением поворачивает детскую головку на сто восемьдесят градусов.

Хлынувшее из дома тепло обволакивает его. Он закрывает и запирает дверь и с мальчиком на руках входит в кухню, осторожно ступая по линолеуму «Кул-эйд».

В раковине полно грязной посуды. В воздухе запах подгоревшего попкорна. На столе с покрытием из формайки две грязных вазы «Тапперуэр» с еще целыми орехами. Жидкокристаллический дисплей на плите показывает 1:39.

Лютер медлит, прислушивается. Приглушенное дыхание теплого воздуха, проходящего через вентиляционные отверстия в полу. Из крана каждые пятнадцать секунд капает, наполняя бокал, вода. В соседней комнате едва слышно отсчитывает мгновения секундная стрелка. Успокаивающе гудит холодильник. Ледогенератор бросает в корзину очередные кубики, и этот звук в ночной тишине напоминает обрушение в море шельфового ледника.

Лютер опускается на колени и укладывает мальчика под стол. Потом переходит в столовую, поворачивает вправо и проскальзывает под широкой аркой.

Обитая плюшем мебель выстроена полукругом у очевидной фокусной точки комнаты: громадных размеров телевизора с сателлитными громкоговорителями, расположенными стратегически в каждом углу для максимального слухового восприятия. Третья ваза «Тапперуэр» позабыта на полу, между двумя подушечками. Лютер наклоняется, зачерпывает пригоршню попкорна и отправляет в рот.

Осторожно – глаза еще не вполне приспособились к темно-синей темноте – он идет по коридору. Электронное посапывание кухни здесь не слышно. Но есть другие звуки: журчание воды в туалете, капанье воды из душевой насадки в керамическую раковину, тяжелое, но спокойное дыхание трех спящих человеческих существ. На фоне этого саундтрека пригородного сна шепот центрального отопления безопасен и надежен, как биение материнского сердца.

Лютер стоит в коридоре, задумчиво выковыривая застрявшие между зубами остатки попкорна. Им необходим этот шум. Без него они сошли бы с ума. Думают, это и есть тишина, а сами никогда ее не знали.

Он открывает первую дверь справа – ванная. Из медицинского шкафчика над раковиной берет коробочку с пахнущей виноградом зубной нитью. Поработав с зубами и добившись удовлетворительного результата, возвращает нить на полочку и закрывает ящик. Потом выходит, на цыпочках пересекает застеленный ковровой дорожкой коридор и открывает первую дверь слева. Черный с оранжевым стикер предупреждает: «Частное владение – не входить!» Чуть ниже вырезанные по трафарету буквы складываются в два слова: «Пещера Хэнка». Комната чистая – игрушек на полу нет, пакетики из-под бобов засунуты в угол. С потолка свисает на проволочках с десятков моделей самолетов и вертолетов.

На письменном столе – почти законченная модель В-25. Осталось прикрепить крылья и пулеметную турель.

В воздухе еще ощущается запах клея.

На комод выстроились призы бейсбольной Малой лиги. Каждый пластмассовый мальчишка стоит лицом к кровати, застыв в движении. Команда Хэнка называется так: Поджарый, Злой, Кибер Боевой.

В прошлом году он получил награду за успехи в спорте.

Лютер снимает рюкзак и ложится на покрывало с картой созвездий. Мальчик спит на боку, спиной к незваному гостю. Лютер смотрит на него в оранжевом свете ночника. Интересно, каково это, иметь сына?

Поскольку Хэнк спит, шея у него ломается легче, чем у младшего брата.

Лютер встает, расстегивает рюкзак и достает револьвер, наручники, магнитофон и нож Орсона. Оружие не заряжено. Глушители достать трудно, а без глушителя стрелять с применением патронов «магнум» в два часа ночи, да еще в таком квартале, он ни за что не стал бы.

Сунув наручники в карман, Лютер выходит в коридор и идет к главной спальне, где спят Зак и Тереза Уортингтоны.

Ночника там нет, и комната полна теней.

Он бы постоял с часок у двери, понаблюдал за ними, находя удовольствие в предвкушении. Но Уортингтоны – не единственный его проект в эту ночь, до восхода солнца всего четыре часа.

Лютер ставит магнитофон на ближайший комод и нажимает клавишу «запись». Потом взводит курок и подносит палец к выключателю.

Зак Уортингтон поворачивается в постели.

– Тереза, – бормочет он. – Трез?

– Что? – отвечает, толком не проснувшись, Тереза.

Лютер чувствует, как просыпается желание.

– По-моему, кто-то из мальчишек встал.

Глава 13

Элизабет Лансинг не могла уснуть. Сегодня она ходила на свое первое свидание с Тоддом Рэмси, и теперь ее переполняли самые разные эмоции, от легкомысленного восторга до неловкости и вины. Тодд повел ее во французский

ресторан в Шарлотт – «Плавильный котел». Поначалу она пришла в ужас от перспективы разговаривать три часа за фондю, но Тодд был мил и любезен, и они легко разговорились.

Для начала обсудили юридическую фирму, в которой Рэмси только что стал партнером, а Бет вот уже пять лет работала администратором. От сплетен и слухов какое-то время воздерживались, но «Уомбл и Слуп» славилась своей скандальностью, и устоять перед соблазном почесать язык было невозможно. Вскоре они уже обменялись взглядами на философию работы по найму и выяснили, что ни Бет, ни Тодд не знают никого, чья работа давала бы ему чувство полного удовлетворения. В итоге сошлись на том, что идеальная работа все же существует, но найти ее настолько мучительно трудно, что большинство людей предпочитают на протяжении всей карьеры нести бремя умеренного несчастья.

Ближе к концу, макая арбузные шарики и клубнику в горячий шоколад, они перешли на более интимные темы, подолгу и с удовольствием удерживали зрительный контакт и делились только идиллическими моментами детства. Бет знала, что Тодд недавно развелся. Он был в курсе того, что ее муж пропал семь лет назад при загадочных обстоятельствах, связанных каким-то образом с писателем Эндрю Томасом. Но от проблемных тем и тот, и другая держались на расстоянии выстрела.

После обеда Тодд отвез ее домой. Было уже одиннадцать, и шоссе I-77, по которому они ехали на север, выглядело пустынным. Завороженная светом фар и однообразием пролетающего под ним дорожного полотна, Бет чувствовала себя кем-то другим, незнакомым, и это ощущение новизны освежало и одновременно пугало. Как поступление в колледж и приход осени. Она перестала быть просто тридцативосьмилетней матерью-одиночкой двух детей.

В какой-то момент Бет едва не взяла его за руку.

А хотела.

Но та часть ее, которая прожила одиннадцать лет с другим мужчиной, выносила его детей и перенесла его потерю, возражала, хотя и негромко. Так что Бет, одевшая по случаю только что купленное черное платье-колокол, отчасти из страха, но главным образом из уважения держала руки на коленях. В

следующий раз, может быть, но не сегодня, Уолтер.

* * *

И вот теперь Бет поднялась с кровати и, спустившись вниз, стояла возле раковины в кухне и смотрела через окно на темные воды озера Норман и луну, высокую и сияющую, словно солнце из слоновой кости в темно-синем небе.

Озеро уже не казалось безмятежным. Легкий ветер поднял зыбь на черной глади воды и исказил отражение луны. Бет услышала, как задрожали, затрепетали листья, увидела, как слетают они, кружась, со спящих деревьев и падают на прихваченную холодком траву.

На участке соседей, Уортингтонов, закачались веревочные качели – какой-то заблудший дух вернулся посреди ночи на места детства.

Часы на плите показывали 1:39.

Бет достала из шкафчика стакан, налила воды из бутылки. После нескольких бокалов чудесного шираза, в сопровождении которого прошел весь обед, во рту сушило, так что воду она выпила одним долгим глотком.

Вместо того чтобы вернуться в спальню, Бет прошла через столовую в гостиную и свернулась на софе под шерстяным пледом. Она нисколько не устала и лишь подумала с раздражением, что уже наступил понедельник и через шесть часов ей тащиться на работу.

Лунный свет струился через стеклянную дверь, выходящую на веранду, где отбрасываемые адирондакскими креслами тени постепенно вытягивались, следуя движению луны по небу.

На ней был старый атласный халат, давным-давно подаренный Уолтером на Валентинов день. Свет остался только внизу, и когда ткань смялась, по атласу пробежал голубой разряд.

Бет думала об Уолтере. Сейчас он виделся ей яснее и отчетливее, чем в последние несколько лет. Ее чувство к нему не было ни печалью, ни

ностальгией, ни даже любовью. Она даже не знала, как его назвать. Уолтер воспринимался как свет, время и энергия, сущность, которую ее приземленная душа даже не начала понимать. Наблюдает ли он за ней сейчас из какого-то непостижимого измерения? Что-то подсказывало, что они еще встретятся как чистые души в межзвездном пространстве. Они передадут один другому свои сущности и сольются, став одной блистательной сущностью. Вот такой ей представлялась жизнь после смерти – быть снова с ним в некоей непознаваемой форме.

В одной из детских комнат наверху прозвучали шаги. Поднявшись с софы, Бет босиком прошла в переднюю по холодному пыльному деревянному полу и по застеленной ковровой дорожкой лестнице поднялась на второй этаж. Уже на последних ступеньках она почувствовала, что веки начинают тяжелеть. Может быть, теперь-то ей удастся наконец уснуть...

Лестница делила второй этаж на две половинки. Слева находились два бельевых шкафа и спальня Дженны, а в самом конце – ванная с туалетом, за закрытой дверью которой пи???сал Джон Дэвид.

Бет повернула вправо, к собственной спальне в конце коридора. Миновав еще пару бельевых шкафов и игровую комнату, она подошла к открытой двери спальни Джона Дэвида. Перед свиданием с Тоддом Бет взяла с сына обещание убрать в комнате. Теперь она остановилась у порога и даже в темноте увидела разбросанные на полу игрушки и одежду. Вернувшись домой из церкви, брат и сестра весь день играли в «Риск». Игровая доска лежала у кровати, под грязными джинсами.

И тут у Бет перехватило дыхание.

Ее сын спал в своей постели.

Дверь ванной со скрипом открылась.

Бет повернулась на звук.

Свет в ванной погас, и теперь она видела лишь темный высокий силуэт в дверном проеме.

Значит, там была Дженна.

- Милая, - обратилась к ней Бет, и в ее голосе прозвучали нотки сомнения.

Силуэт остался на месте - не сдвинулся и не ответил.

- Дженна? В чем дело?

Сердце глухо ударилось о грудину.

За спиной Джон Дэвид проворчал что-то неразборчиво. Бет закрыла дверь в его спальню. В горле уже появился солоновато-металлический вкус с букетом адреналина и страха.

До двери ее спальни оставалось десять шагов.

Пистолет в шкафу. На верхней полке. В коробке из-под обуви. По-моему, он заряжен.

Ступив на середину коридора, она начала медленно пятиться к своей комнате, не сводя глаз с неподвижной тени. Я не стреляла из пистолета семь лет и уже не уверена, что еще помню, как это делается.

Пальцы нащупали дверную ручку, повернули ее, и Бет переступила порог спальни.

Тень в другом конце коридора не шевелилась.

Телефон или пистолет?

Легким не хватало воздуха. В глубине души Бет надеялась, что это лишь повторение одного из тех кошмаров, которые преследовали ее после смерти Уолтера.

Выпускать незнакомца из вида ей не хотелось, но без оружия она была бессильна. Бет повернулась, быстро шагнула к прикроватному столику и

схватила трубку. Господи, нет. Линия молчала, а сотовый остался внизу, в сумочке. Она метнулась к шкафу и тут же услышала тяжелые шаги по коридору.

Дыхание сбилось.

Только не упади в обморок.

Привстав на цыпочки, Бет потянулась к верхней полке, зацепила ногтями коробку из-под обуви и сбросила крышку. Коробка с патронами была на месте, но пистолет исчез. У ее ног, на полу, валялись другие коробки – значит, он обыскал комнату, пока она была внизу.

Шаги остановились.

В доме стало тихо.

Бет затрясло. Ноги подкосились, и ей пришлось опуститься на пол, но мысль о детях заставила подняться. Она подошла к двери и выглянула в коридор.

Пусто.

– Я позвонила девять-один-один по сотовому! – крикнула Бет. – У меня в руках дробовик, и я не побоюсь им воспользоваться!

– Мам? – позвала Дженна.

– Дженна!

Ее дочь вышла в коридор из своей спальни в фланелевой ночнушке по колено длиной. Дженна была повыше матери и симпатичнее. Унаследовав от отца красоту и спортивное сложение, она упустила материнскую искренность.

– Мам, ты почему кричишь?

– Вернись в комнату и запри дверь!

– Что случилось?

– Быстро, черт бы тебя побрал!

Дженна расплакалась и, забежав в комнату, захлопнула дверь.

– Я не хочу в вас стрелять, но выстрелю! – крикнула Бет в темноту.

– Как ты выстрелишь, если у меня твой пистолет? – поинтересовался спокойный мужской голос.

Тень вышла из игровой комнаты и направилась к ней.

Бет щелкнула выключателем на стене.

В коридоре, резанув по глазам, вспыхнул свет. Обретя цвет и текстуру, тень стала человеком.

У него были длинные черные волосы, белое, белее, чем у фарфоровой куклы, лицо и улыбающиеся красные губы. На деревянных половицах остались следы его ботинок. Кровавые отпечатки. Пятна крови были и на его лице, на джинсах, на футболке с длинными рукавами.

Ужас лишил ее сил, и Бет опустилась на пол.

Лютер подошел ближе и остановился перед ней.

– Я не тронул твоих детей – и не трону, если ты будешь послушной.

В его правой руке Бет увидела нож с костяной рукояткой.

Очевидно, им недавно пользовались.

Неподалеку открылась дверь. Дженна высунула голову.

– Я в порядке, милая, – дрожащим голосом произнесла Бет. – Оставайся в своей комнате.

Лютер повернулся к девушке:

– Слушайся мать.

– Зачем вы это делаете? – расплакалась Дженна.

– Уйди в комнату! – завопила Бет.

– Что происходит?

– Уйди в комнату!

Дженна захлопнула и заперла дверь.

Бет снова повернулась к незнакомцу и увидела, что он сменил нож на дубинку.

– Повернись, – приказал Лютер. – Мне нужно видеть твой затылок.

– Зачем?

– Ударю этой штукой по затылку, чтобы не портить лицо.

– Не трогай моих детей.

– Повернись.

– Поклянись, что не тронешь...

Лютер схватил ее за волосы и ударил по затылку.

Согласно данным официального веб-сайта www.wafflehouse.com (<http://www.wafflehouse.com/>), тринадцать сотен заведений «Уоффл-хаус» на территории Соединенных Штатов совместно продают за двадцать четыре часа столько колбасных лепешек, что из этого мяса можно построить цилиндр высотой с Эмпайр-стейт-билдинг. И каждый год они продают столько полосок брайанского бекона, что ими можно было бы семь раз выложить путь от Атланты до Лос-Анджелеса. Припоминая эти любопытные факты, Лютер спускается с шоссе I-40 по съезду 151 в городе Стейтсвилл, Северная Каролина. Хотя часы и показывают 4:13, два заведения все же открыты. Первое – это круглосуточный «Супер Уолмарт» на его стороне подземного переезда, а второй – расчудесный «Уоффл-хаус»; нужно лишь свернуть налево у светофора и проехать двести ярдов по улице. Его яркий, светящийся знак бодро манит путника. Лютер улыбается. Давненько он не баловал себя посещением этого заведения.

Он въезжает на автостоянку и выключает двигатель своей «Импалы» 85-го года выпуска. Мало того, что машина провоняла луком, так еще и двигатель греется, и есть опасение, что она просто не протянет оставшуюся часть пути. Учитывая спящий в багажнике груз, поломка стала бы непоправимым несчастьем.

На ветровом стекле соседнего автомобиля мороз нарисовал сложный узор, как будто выложил кружевную вышивку. Коснувшись пальцем хрупких кристаллов, Лютер передергивает плечами и поворачивается к затихшему в предрассветной дреме городу. С того места, где он стоит, мир складывается из мотелей, заправок, ресторанчиков быстрого питания, однообразного гула автострады и растянувшегося вдалеке сияющего «Супер Уолмарта». Последний расположен на холме и смотрит на город сверху вниз, грозно, как средневековая крепость.

Для начала Лютер направляется в душевую. Хотя его рабочая одежда и лежит в пакете для мусора на заднем сиденье, возможности помыться у него еще не было. Руки и лицо забрызганы кровью, и он, стоя под душем, видит, как розовая вода, кружась, устремляется в сток.

Даже в этот ранний утренний час в «Уоффл-хаус» шумно, и яркий свет из больших подвесных шаров разгоняет густое облако сигаретного дыма. Гриль шипит и плюется без остановки, в воздухе гуляет фирменный запах несвежего кофе, дыма и перегоревшего жира.

В кабинку Лютера заглядывает официантка:

- Ну что, сладенький, с заказом определился?

Он уже знает, чего хочет, хотя и продолжает листать иллюстрированное меню.

- Ванильную «Кока-колу». Колбасу. Бекон. Гритс. Яичницу. Блинчики. И побольше кленового сиропа. Тех капель, что в диспенсере, мне мало.

- Блинчиков у нас нет, - усмехается официантка.

Лютер отрывает взгляд от меню:

- Ты что, шутишь?

- Ммм... видишь ли, это «Уоффл-хаус». У нас подают вафли.

Держится она дружелюбно, даже немного игриво, но Лютера на это не возьмешь. Он чувствует только одно: унижение. Официантка юная и очень беременная. Была бы даже ничего, если б не кривые зубы. Зовут ее, судя по бейджику, Брианна.

- Терпеть не могу вафли.

- Ну, у нас и кроме них кое-что есть. Мне, к примеру, картофельные оладьи нравятся. Попробуй трипл-хэшбраун. Такую вкуснотищу не забудешь.

- Ладно.

- Так что, попробуем?

- Ладно.

- Остальное, что называл, тоже возьмешь?

- Да.

Брианна уходит, а Лютер откидывается на оранжевую спинку сиденья. Он старается не заикливаться на том, каким разочарованием стало известие, что в «Уоффл-хаус» не подают блинчики. И как же это он так облажался? Официантка, наверное, считает его тупицей. Может, стоит добавить ее в ту компанию в багажнике...

Стены облеплены стикерами, и Лютер, ожидая «Кока-колу», пробегает по ним взглядом.

СЫР-И-ЯЙЦА: ФИРМЕННОЕ БЛЮДО УОФФЛ-ХАУС

У ТЕБЯ БЫЛ ВЫБОР, И ТЫ ВЫБРАЛ НАС. СПАСИБО

ЧИЛИ БЕРТА: НАШ ЭКСКЛЮЗИВНЫЙ РЕЦЕПТ

ЛУЧШИЙ КОФЕ АМЕРИКИ

Одновременно с заказом по звездному небу растекается первый свет утренней зари.

- Потом скажешь, как оладушки понравились, - говорит Брианна. - Но блинчики тоже хороши.

Ничего подобного трипл-хэшбрауну Лютер еще не едал. Основа из резаной жареной картошки покрыта расплавленным сыром, луком, кусочками копченой ветчины, чили, нарезанными помидорами и кусочками перца халапеньо. Это даже лучше блинчиков, и когда Брианна приносит вторую ванильную колу, он благодарит ее за рекомендацию и уже не смущается из-за того, что заказал блинчики в заведении, не зря названном «Уоффл-хаус».

Расслабленно потягивая напиток, Лютер смотрит на оживающее за заляпанным стеклом небо.

Дела идут.

Где бы ни прятался Эндрю, похищение Карен Прескотт и Элизабет Лансинг не может не привлечь его внимание.

Уже направляясь к выходу, Лютер натывается у одной из ближайших кабинок на старичка лет шестидесяти пяти – семидесяти с болезненно-землистым, посыпанным седой щетиной лицом и налитыми кровью глазами. Старик отводит глаза и рассеянно смотрит в окно. В руке у него дымится сигарета.

На парковке стоит грузовичок. Судя по бейсболке с надписью «Джей. Ар. Тракинг» и общей гигиенической запущенности, грузовик принадлежит старику.

Лютер чувствует его одиночество.

- Доброе утро, - говорит он.

Шофер отворачивается от окна.

- Доброе.

- Ваш грузовик на стоянке?

- Мой.

- Куда путь держите?

- В Мемфис.

- Что везете?

- Сахар.

Старик затягивается сигаретой и давит окурок в нетронутую яичную желтку.

- Одиноко на дороге, а?

– Да уж точно.

Его не раздражают короткие ответы старика. Дело не в грубости и не в плохих манерах, а скорее в унылом, безрадостном существовании. Было бы что сказать, он бы сказал.

Лютер застегивает фуфайку и кивает старику. Тот поднимает чашку с кофе.

Расплачиваясь у кассы за завтрак, Кайт дает Брианне десятку сверху.

– Видишь того старика в кабинке? Я плачу за его завтрак.

Он выходит через переднюю дверь и смотрит на рассвет.

Глава 15

Выезжая с парковки возле «Уоффл-хаус», Лютер обнаруживает, что глаза закрываются сами собой. Сейчас понедельник, 6:00, и с вечера пятницы ему удалось поспать всего лишь четыре часа в центре отдыха на окраине Маунт-Эйри, Северная Каролина.

При первой же возможности Лютер сворачивает влево, на Пондсайд-драйв, улицу в жилом районе, до такой степени засаженную деревьями, что когда он смотрит вперед, через ветровое стекло, то видит только кусочки пурпурного неба.

Пондсайд-драйв переходит в Кэттейл, которая уже через четверть мили заканчивается темным тупиком с разбитым тротуаром под слоем алеющих листьев.

Лютер выключает зажигание и перебирается на заднее сиденье. Лежа на холодной липкой виниловой обивке, он достает магнитофон, нажимает кнопку «плей» и засыпает под мольбы мистера Уортингтона пощадить его семью.

* * *

Кайт просыпается в 11:15. Кристально чистый свет октябрьского утра вливается в «Импалу», и винил под щекой греет не хуже бутылки с горячей водой.

В центре Стейтсвилла Лютер выезжает на шоссе 64 и мчится на восток через предгорье Северной Каролины и сонные городки Моквилл, Лексингтон, Эшборо и Сайлер-Сити.

Небо растягивается в бесконечную слепящую голубизну. Возле Питтсборо шоссе 64 пересекает огромное озеро Джордан с пылающей по берегам листвой. Лютер уже не помнит, когда ему было так хорошо.

К полудню снова напоминает о себе голод.

В «Уоффл-хаус» городка Роки-Маунт, штат Северная Каролина, Лютер заказывает свое новое любимое блюдо: картофельные оладьи и охлажденную ванильную «Кока-колу». За окном листья сои золотят рыжевато-коричневое поле.

На середине ланча до него вдруг доходит.

Он допустил небрежность в доме Уортингтонов.

Оставил там кое-что.

Глава 16

Очнувшись, Бет подумала, что умерла и отправилась в ад, который оказался не таким, как ей представлялось. Образ преисподней сложился у нее под впечатлением от картины, выставленной недавно в Художественном музее Северной Каролины. Написанная в 1959 году маслом на мазонитовой доске преподобным Маккендри Робинсом Лонгом, картина называлась «Апокалипсическая сцена с философами и историческими фигурами».

На ней изображено некое подобие пещеры и тьма-тьмущая обреченных душ, гонимых демонами к огненному озеру. Среди философов и исторических личностей – Эйнштейн, Фрейд, Гитлер, Сталин и Маркс. Другие в ужасе цепляются за каменистый берег; на них вечерние платья, как будто их выхватили прямо с роскошного бала. С потолка в кипящее озеро падают обнаженные мужчины и женщины, а в недостижимой дали два сияющих ангела парят вокруг белого креста – постоянное и мучительное напоминание о любви, отвергнутой проклятыми. «Мой ад хуже, – подумала Бет, – потому что он – настоящий».

В этой пустой тьме у нее ужасно болела голова, а еще она плохо помнила последние события. Перед глазами мелькали лица Дженны и Джона Дэвида, а когда она представляла их троих на пирсе, что-то ломалось внутри. Что-то такое, чего уже нельзя собрать.

Бет резко села, ударилась лбом о пенопласт и упала на чью-то безвольную руку.

– Кто тут? – вскрикнула она.

Ей никто не ответил.

Бет нащупала в темноте руку и сжала ее.

– Вы меня слышите? – прошептала она. Если это труп, меня вырвет.

Невнятный женский голос пробормотал что-то... вздох... руку отдернули.

– Меня зовут Бет. А кто вы?

– Карен, – прохрипел голос. Звук был такой, словно женщина говорила сквозь зубы.

– Это ад? – прошептала Бет.

– Это багажник машины какого-то психопата.

И все, что она забыла, вернулось в бурном, вихрящемся потоке сознания.

- Где мои дети?

- Ваши дети?

- Что он сделал с ними?

- Я не знаю.

Роня слезы, Бет постаралась засунуть страх в свой зоб, в ту загрубевшую нишу, которую обнаружила после смерти мужа.

Он забрал только меня. Этот зверь не тронул моих детей. Пожалуйста, Господи, не допусти, чтобы это случилось.

* * *

Лежа на боку, лицом к лицу в кромешной тьме, женщины держались за руки. Они даже чувствовали дыхание друг друга – теплое успокаивающее касание воздуха.

Машина снова тронулась с места, и теперь сила инерции бросала их в темноте то туда, то сюда при малейшем изменении направления или скорости. Внизу, под ними, с шорохом, скрипом и визгом пронеслось дорожное полотно, и пленницы придвигались ближе и ближе. Карен гладила Бет по волосам и вытирала ее мокрые щеки. Она уже жалела, что не соврала и не сказала, что ее дети целы и невредимы и им ничто не угрожает.

* * *

Через несколько часов машина остановилась, двигатель умолк, дверца со стороны водителя открылась и закрылась.

Карен напряглась, прислушалась.

Шаги удалялись.

Держа Бет за руку, она сосредоточилась на едва слышных звуках за пределами их мрачной тюрьмы: где-то хлопали дверцы, урчали моторы, плакали дети, скрипели колеса тележек.

- Мы на парковке, - прошептала Карен.

Неподалеку хлопнули сразу три дверцы.

- Шэннон, хватит прихорашиваться, ты отлично выглядишь, - произнес мужской голос.

- Не хочет разочаровать Криса, - насмешливо вставил другой.

- Да пошел ты. И ты тоже.

- Помогите! - крикнула Бет и, вырвавшись из объятий Карен, прижалась губами к пенопласту. - Помогите! ПОЖАЛУЙСТА!

- Молчи! - прошипела Карен. - Он убьет нас, если...

- ПОЖАЛУЙСТА! ПОЖАЛУЙСТА! У МЕНЯ ДЕТИ!

Карен обхватила Бет, зажала ладонью рот и оттащила на грязный коврик.

- Все хорошо, милая. Все хорошо. - Бет билась и вырывалась из ее рук. - Все уладится. Но нельзя...

Снаружи опять донеслись голоса:

- Перестань, Шэннон, нет ничего в этом багажнике. Тебе просто показалось. Идем.

- Я слышала звуки. Как будто собака лаяла. Каким же надо быть психопатом, чтобы запереть собаку в багажнике!

- Да ладно. Идем, Крис ждет.

Бет ткнула Карен под ребра, вырвалась и снова закричала. Она кричала и кричала, пока могла, пока не сорвала голос.

А потом, когда сил уже не осталось, в багажнике снова установилась тишина, и Бет слышала только собственное надсадное дыхание и гулкое биение сердца.

Глава 17

Лютер берет тележку из длинной, изгибающейся, как гусеница, вереницы и катит мимо пожилого, в голубом жилете, гритера местного «Уолмарта».

- Ты как, сынок, сегодня?

- Офигительно. - Лютер и впрямь в отличном настроении: «Уолмарт» - его любимый универсам.

Первым делом он направляется в отдел СЛАДОСТИ/ЗАКУСКИ, где бросает в тележку десять пакетиков конфет «Лемонхедс». Потом вскрывает один пакетик и бросает в рот сразу три желтых шарика. В среднем на один день ему требуется два-три пакетика. Конфеты он ест так: высасывает кислый желтый слой и выплевывает белую сердцевину.

Вот откуда гнилые зубы.

Вообще-то пришел он только за конфетами, но потом в голову приходит, что было бы забавно записать на камеру то, что он сделает с Карен. И Лютер сворачивает в отдел ЭЛЕКТРОНИКА. Десятка два выстроившихся у задней стены телевизоров разного размера показывают один и тот же мультфильм. Невыносимый шум со всех сторон: из громкоговорителей с потолка льется спокойная элеваторная музыка; ближайшая стереосистема выплевывает рэп; какая-то видеоигра разражается пулеметной пальбой и криками жертв.

Лютер останавливается и внимательно смотрит на мальчика, который держит в руках пульт и не сводит глаз с экрана, на котором кровавые сцены сменяются сценами насилия. В игру мальчик ушел с головой, и его остекленелый взгляд отражает смесь сосредоточенности и благоговейного ужаса.

Оставив тележку в проходе между стеллажами с компакт-дисками, Лютер подходит к прилавку, опускается на колени и рассматривает цифровые камеры под стеклом.

Потом поднимается и откашливается.

Сидящий на стуле продавец держит телефонную трубку между ухом и плечом. Зовут его, если верить бейджику на голубом жилете, Дэниел. Он высок и худ, у него короткие выбеленные волосы и аккуратные черные бачки.

– Хочу посмотреть «Сони Сайбершот P51».

Дэниел закрывает глаза и поднимает палец.

Лютер ждет, мысленно начав отсчет.

Дойдя до шестидесяти, он снова говорит:

– Хочу посмотреть «Сони Сайбершот P51».

– Меган, можешь подождать секундочку? – Теперь трубка прижата к груди. – Сэр, вы не могли придержать коней на минутку?

– Я уже придерживал коней на минутку. А сейчас хочу посмотреть камеру.

Кровь унижения бросается Лютеру в лицо. Дэниел снова подносит телефон к уху, соскальзывает со стула и поворачивается к покупателю спиной.

– Меган, я тебе перезвоню. Извини. Да, думаю, Джек ведет себя неблагоприятно, но... – Дэниел смеется. – Да, да.

Разговор продолжается.

Лютер снова считает до шестидесяти. Закончив счет, возвращается к тележке, выводит ее из отдела ЭЛЕКТРОНИКА и, не заплатив, катит через переполненную автостоянку к своей серой «Импале». Бросает пакетики с конфетами на заднее сиденье и садится за руль. Из блокнота на пассажирском сиденье вырывает чистый лист, на котором пишет: НЕ РАБОТАЕТ. НЕ ВХОДИТЬ! Из «бардачка» достает скотч, в карман сует пригоршню конфет и возвращается в «Уолмарт».

В магазине Лютер направляется к отделу СПОРТИВНЫЕ ТОВАРЫ.

За прилавком стоит грузная женщина с перекрашенными в рыжие черными волосами.

– Скажи, красотка, как бы мне приобрести бейсбольную битку?

– Извини, милоч, летом у нас такого добра не водится. Но нам только что подвезли охотничьи товары, и если...

Отходя от прилавка, Лютер завязывает в хвост волосы и берет с полки охотничьих товаров камуфляжную бейсболку – на случай, если за ним наблюдают камеры.

Следующие два часа он бродит рядом с отделом электроники, наблюдает за порхающим с места на место Дэниелом и посасывает конфетки, пока не получает химический ожог гортани.

В конце концов Дэниел выходит из своего отдела и идет к дверям. Лютер следует за ним. Дэниел останавливается у автомата с газированной водой «Выбор Сэма» и, задумчиво глядя на парковочную площадку, выкуривает две сигареты.

На часах шесть вечера, свет бронзовеет. Лютер стоит возле автоматических дверей, деля внимание между Дэниелом и красным закатом.

Эрекция нарастает.

К тому времени, когда Дэниел возвращается, Лютер уже на пике. Следом за продавцом он идет в левый угол магазина, потом дальше, по ярко освещенному коридору. Дэниел толкает плечом дверь и исчезает в туалете. Лютер подходит к двери, достает из кармана листок и наклеивает на изображение мужчины, после чего и сам входит в туалет.

Три кабинки, два писсуара. Опустившись на колени, Лютер видит пару ног в последней кабинке и улыбается.

Они одни. Лучшего и не придумаешь.

Лютер входит в свободную кабинку, наклоняется, подтягивает правую штанину серых спортивных брюк и расстегивает кожаные ножны. Кладет нож на крышку туалета, снимает кеды и носки, стаскивает брюки и трусы, а потом – толстовку и футболку. Дело обещает быть грязным, а идти по «Уолмарту» в заляпанной кровью одежде было бы неразумно.

С ножом в руке, голый, Лютер выходит из кабинки и открывает два крана. Грохочущее эхо падающей воды заполняет комнату. Он спускает воду в писсуарах и двух кабинках и включает автоматические сушилки для рук. Потом выключает свет и открывает и закрывает дверь, создавая ложное впечатление, что в туалете никого не осталось.

Дэниел сыплет проклятиями. Звук диспенсера едва слышен за шумом воды. В туалете полная темнота, и только под дверью лежит тонкая, как лезвие ножа, полоска света. Поглаживая себя, Лютер становится у выключателя. Дыхание его глубоко, в темноте он чувствует себя комфортно.

В кабинке Дэниел спускает воду и застегивает «молнию». Лютер сжимает рукоять ножа. Он предпочел бы размазать мозги Дэниела по стене одним ударом битой. Но сгодится и лезвие. В машине он придумал для ножа имя – Зиг, сокращенное от Зиглера, среднего имени Эндрю Томаса.

Дверца кабинки открывается со скрипом.

Осторожные приближающиеся шаги... запах одеколона Дэниела.

Лютер ощущает близость продавца, его руки, тянущейся по стене к выключателю.

В комнате вспыхивает яркий и жесткий флуоресцентный свет.

В глазах Дэниела растерянность, потом ужас.

Два взмаха, два изящных удара.

Дэниел оседает в теплую растекающуюся лужу, ощупывает вспоротый живот и не может издать ни звука.

- А теперь сиди здесь и думай, что означают слова «обслуживание покупателя».

Лютер заходит в кабинку и быстро одевается. Потом выключает свет и выходит, отметив свой путь еще одним следом.

Глава 18

«Я больше не в багажнике», - подумала Карен, едва придя в сознание. Хотя она по-прежнему ничего не видела, теперь причиной «слепоты» была повязка на глазах. Лицо ее трогал холодный ветер, сквозь пахнущую чем-то маслянистым тряпку, закрывавшую глаза, пробивался неуверенный свет.

Карен не помнила, как ее переносили. Вполне возможно, что все это ей снилось, хотя прикосновение стального металла к щеке ощущалось вполне реально. Она попыталась пошевелиться, но не смогла - руки и ноги были связаны толстой веревкой. От жажды тяжелела голова.

Шаги... Они приблизились и остановились, мысок ботинка был в нескольких дюймах от ее лица. Карен чувствовала запах прилипшей к нему травы и глины - сырой и землистый.

- Вижу, ты очнулась.

Голос прозвучал ясно, без реверберации. Значит, она действительно была не в багажнике.

- Где я? Пожалуйста, снимите повязку.

- Будет лучше, если мы пока оставим ее. Должен сказать, девушка ты тяжелая. Я даже запыхался, пока тащил тебя вверх, - двести четырнадцать ступенек...

Колючий холодок прополз по спине.

- Где это? - спросила Карен.

- Разве ты не видишь свет? По-моему, ты не могла не заметить... даже с повязкой на глазах.

- Не понимаю...

- Свет здесь усиливается линзами Френеля, которые используются с первого октября одна тысяча восемьсот семьдесят второго года. Позволь, Карен, унять твои страхи. - Он опустился на землю рядом с ней. - Я принес тебя сюда, чтобы отпустить. - Облегчение было столь велико, что она не выдержала и расплакалась. - Но вдову Лансинг мне придется придержать. Ты ведь помнишь ее, да? Вы вместе были в багажнике.

- Да, помню.

- Понимаешь ли, я отпускаю тебя по одной-единственной причине. Я бросил монетку. Ты была орлом, и монета упала орлом вверх. Так что жить выпало тебе.

- Зачем вы это делаете?

Она ощутила на лице отдающее лимонным ароматом дыхание. Слова прозвучали ровно и спокойно.

- Так ты думаешь, все это из-за тебя, заносчивая сука?

- Нет, я...

- Вы обе, ты и Элизабет Лансинг, нужны мне только для того, чтобы привлечь внимание одного человека. Угадаешь, кого?

- Нет, не знаю.

- Должна знать. Ты же трахалась с ним. Да, это всего лишь предположение, но все-таки...

- Я не знаю, о ком вы...

- Эндрю Томас.

- Но что вам от него нужно?

- Семь лет назад Эндрю застрелил меня и оставил умирать в снежной пустоши.

- Мне очень жаль.

- Не надо. Я приготовил для него кое-что, после чего мы будем квиты. И еще одно. Подумай хорошенько, прежде чем ответить. Ты считаешь себя дурным человеком?

- Нет, я не...

- Почему?

Теплое дыхание похитителя согрело ей губы. Карен попыталась вспомнить, в скольких благотворительных акциях она участвовала за прошлый год, сколько пятниц отработала в бесплатной столовой для бездомных на 54-й улице, скольким новым писателям помогла издать книгу.

- Я - порядочный человек.

- А я? Судя по тому немногому, что ты видела? Я - дурной человек?

– Нет, сэр. Я так не считаю. Я не знаю вас. Не знаю, какими были ваши родители. Может быть, с вами случилась какая-то трагедия. Несомненно, есть какие-то причины, склонившие вас к такому поведению...

– Деструктивному поведению.

– Да.

– А вообще дурные люди есть?

– С людьми всякое случается. Они сбиваются с пути. Но нет, я не верю в зло.

– Понятно. Спасибо, что поговорила со мной так откровенно.

Он снял повязку с ее глаз.

Через железные прутья Карен видела полмили сосен, болот и дюн и дальше за ними – Атлантический океан. С этой высоты и расстояния океан казался немым, хотя в свете желтой луны можно было рассмотреть неровную нить прибоя, растянувшуюся на много миль вдоль береговой линии.

Похититель исчез.

Ей удалось сесть. Оглядевшись, она поняла, что находится на небольшой наблюдательной площадке, окруженной металлическими перилами. За ее спиной лестница поднималась по башне на последние шесть футов – к фонарной башне маяка острова Боди.

Луч слепил. Он вспыхивал на 2,5 секунды. Потом гас на 2,5 секунды. Установленный ритм повторялся от заката до рассвета.

Карен напряглась, пытаясь ослабить веревку, но узлы держались. Протащившись по площадке, она проследила взглядом серую ленту автострады 12, которая, обогнув берег и болотистую низменность, пересекает бурные воды Орегонской протоки. Дальше, на шестьдесят миль, – пустынное побережье с крохотными деревушками, а потом мыс Хаттерас, Окраоук и барьерные

острова.

Но их названий Карен не знала.

Она не знала даже, что находится в Северной Каролине, как не знала и того, что ее похититель срезал болторезом два замка и прошел с ней по шаткой винтовой лестнице на самый верх маяка, построенного 131 год назад.

И как, черт возьми, мне отсюда спуститься? Ладно, как-нибудь. Остановлю машину. Доеду до аэропорта. Позвоню Скотту Бойлину – пусть пришлет денег. Какое будет счастье вернуться домой... Первым делом выпью целую бутылку шардоне под Эшли Чэмблис – заслужила. Отныне все будет по-другому. Буду издавать только хорошие книги. И хватит жить на автопилоте. Вообще-то этот случай...

Обойдя фонарную башню, она застыла на месте.

Боже, он здесь. Но почему он сидит на мотке веревки?

Длинноволосый незнакомец оглянулся через плечо и улыбнулся:

– Я сейчас, Карен. Потерпи.

Он повернулся, и женщина увидела в руках у него петлю.

Она попыталась отползти, но он подошел и накинул петлю ей на шею. Потом взвалил ее на плечо и усадил на перила лицом к себе.

Онемев от ужаса, не в силах даже крикнуть, Карен бросила взгляд за спину. Далеко внизу, у гранитного основания маяка, виднелись крыша домика смотрителя и парковочная стоянка для посетителей. К западу, за болотом, расстились воды залива Памлико, а еще дальше мигали красные огоньки радиовышек.

– Маяк покрашен полосами, черными и белыми, – сказал похититель. – Я отмерил веревку так, чтобы ты повисла на середине белой полосы, лицом к центру для посетителей. Представь выражение того, кто обнаружит тебя первым. Может,

это будет какой-нибудь минивэн со Среднего Запада с кучей детишек...

Он рассмеялся.

Карен взглянула на моток веревки у его ног и узел, которым он привязал веревку к перилам. Он держал ее за пояс банного халата, который был на ней со дня похищения.

Она посмотрела ему в глаза и увидела в них ум и логику. Они не были ни безумными, ни бесстрастными, но черными и невозмутимыми. И когда вспыхнули, то уже тлели, словно уголья.

Удерживая ее одной рукой, он другой отбросил волосы назад.

Сила тяготения звала ее.

Карен вырвало на его штормовку, но он не убрал руку.

– Теперь ты веришь?

Он отпустил пояс халата, но не отвернулся, наблюдая, как она падает.

Две секунды Карен кричала, а потом веревка оборвала ее крик.

Она качалась взад-вперед в пятидесяти футах над лужайкой – маятником для маяка.

Глава 19

В два часа ночи «Импала» пронесится на юг по острову Окраоук – полоске суши менее чем в полмили шириной. К западу разверзся тьмой залив Памлико. С другой стороны черной кровью под желтушной октябрьской луной блестит Атлантический океан.

В багажнике «Импалы» спит, не видя снов, Элизабет Лансинг.

За рулем, усталый и довольный, улыбается водитель. Стекло опущено, и волосы разметались по бледному лицу. Глубоко вдыхая, он втягивает теплый воздух, благоухающий бурыми водорослями, соленой водой, плавающим и рыбой на разглаженном прибором песке.

И вот за дюнами, скрывающими океан, открывается его родной городок, слабое свечение на черном горизонте.

Ну что, старина Эндрю, придешь ли ты теперь, когда я показал тебе путь?

Вайолет

Глава 20

В последнюю среду каждого месяца баптистская церковь неизменно устраивает вечер запеченного спагетти. Такова традиция, приятная неотвратимость для местного христианского сообщества.

Из кухни паства неторопливо перемещалась в общий зал, следуя обычаю, установленному двадцать два года назад. Каждый прихожанин приносил картонную тарелку с запеченным спагетти, мучным роллом, салатом из латука и моркови и пенопластовый стаканчик сладкого чая.

Обедали братья и сестры во Христе за круглыми складными столиками, с удовольствием поглощая пресные блюда, и зал гудел от разговоров и детского шума, а из громкоговорителей на сцене лилась духовная музыка. Свет заходящего солнца – слабый намек на багрянец в позднеоктябрьском небе – тускнел за высокими окнами.

Вайолет Кинг сидела за столом с родителями, Эбертом и Эвелин, и другом родителей по имени Чарльз. Последнему стукнуло тридцать, он был одинок и страстно увлечен Иисусом. Вайолет не нравилось, как он смотрит на нее и как разговаривает с ней – словно знает некий секрет, который никому не раскрывает, и словно он сам – нечто большее, чем шапочный знакомый.

Последние пять минут Чарльз, не давая никому и рот открыть, повествовал о своей попытке просветить «проблемного чернокожего юнца». Но Вайолет не слушала и только смотрела на порцию запеченного спагетти на своей тарелке.

– ...и я сказал ему: «Брат, Иисус умер за тебя». – Нижняя губа рассказчика задрожала от эмоций, голос смягчился, проникшись искренностью. – И знаете, что он ответил мне? Боюсь разбить вам сердце, Эберт. Он сказал: «А с чего бы Богу любить меня?» И я сказал... я сказал... Вы слушаете меня, Вайолет?

Вайолет подняла голову и посмотрела в одинокие глазки напротив:

– Да, Чарльз, слушаю.

– Я сказал ему: «Господь любит черных мальчиков так же сильно, как Он любит и белых мальчиков».

Четырехлетний мальчонка с шоколадной глазурью вокруг улыбающихся губ подбежал и остановился перед Вайолет.

– Ты красивая, – выпалил он и умчался, крича: —Вот и сказал! Вот и сказал!

Вайолет рассмеялась.

– А где Макс? – поинтересовался Чарльз.

– Там же, где был неделю назад, когда вы задавали мне этот же вопрос, – ответила она без злости и раздражения. – Этой осенью он тренирует команду по бегу по пересеченной местности. Сегодня у них очередная встреча. – «Это тебя устраивает, извращенец?» – мысленно добавила Вайолет.

– Просто не хочу видеть, как человек отступает от веры. Начинается с того, что пропускают наши среды, а кто знает, что последует дальше...

– Мой зять не вероотступник, – возразил Эберт. – Я и сам такого не потерпел бы, ты же знаешь, Чарльз. Верно, дочка?

– Да, папа.

Вайолет улыбнулась отцу, крупному и крепкому мужчине с седой бородой и сияющей загорелой лысиной. Работал он на молочной ферме, и за их столом слегка пахивало навозом.

Она отпила чаю и снова почувствовала на себе взгляд Чарльза. В последнее время такое случалось часто, особенно во время воскресной службы. Он постоянно укорял ее за «мальчишескую службу», говорил, что волосы женщинам положено носить длинные и свободные, и советовал Вайолет дать волю ее блондинистым локонам.

На поясе, над лавандовой юбкой, запищал пейджер. Вайолет опустила глаза и, увидев номер, поднялась из-за стола.

– Mam, если придет Макс, скажи, что я скоро вернусь.

– Всё в порядке, Ви?

Эвелин посмотрела на дочь серо-голубыми глазами, в которых словно отражалась седина ее волос. Как ты можешь сидеть здесь с этим ненормальным?

– Да, мам.

Вайолет вышла из общего зала в классный коридор. Двойные двери в конце его были распахнуты, и она видела музыкального директора, торопливо расставлявшего стулья на галерее – репетиция хора должна была начаться сразу после обеда. Петать ей сегодня не хотелось. Хотелось пойти домой, забраться в постель с пинтой мороженого «Черри Гарсия» и посмотреть телевизор, желательно что-нибудь документальное от Кена Бернса по Пи-би-эс.

Шум и суета празднующей паствы отступили на задний план, как только Вайолет вошла в темную классную комнату и закрыла за собой дверь.

Снова завибрировал пейджер.

Она сунула руку в сумочку, где лежал сотовый.

Глава 21

Развернувшись в тупичке, Вайолет припарковала свой «Джип Чероки» на тротуаре. Часы на приборной доске показывали 7:15. Небо было темным, если не считать туманных пятнышек звездного света, тускнеющих, когда смотришь прямо на них. Заглушив мотор и глядя на суматоху вдалеке, она попыталась представить эту истеричную улицу обычной, без мигающих огней.

Тихой.

Заурядной.

Безопасной.

Вайолет огляделась. С того места, где она находилась, ей были видны молодой сосновый лес, начинавшийся за улицей из выстроившихся вдоль озера и заключенных между двумя тупиками одиннадцати домов; дорога, врезающаяся в Шортлиф-драйв, и черное, невозмутимо-спокойное озеро.

Вайолет не строила догадок и не теоретизировала. Заниматься этим, когда расследование еще только начинается, бесполезно. Пока она знала лишь, что на этой улице, в кирпичном доме в стиле ранчо, убита семья из четырех человек. Добавить к ним другие убийства – зарезанного ножом продавца в «Уолмарте» в Роки-Маунт и женщину, повешенную на маяке Боди, – и получается одна из самых кровавых недель в истории Северной Каролины со времен Гражданской войны.

Большинство следователей никогда и не сталкиваются ни с чем подобным, подумала она, выходя из машины, и, уже обращаясь к себе, мысленно добавила: «Ты недостаточно подготовлена, чтобы заниматься таким делом».

Вайолет ощутила слабость в ногах и прислонилась к джипу. Закрывает глаза, несколько раз глубоко вдохнула, прошептала молитву и зашагала к мигающим голубым огням.

Участок Уортингтонов площадью в пол-акра уже окружили оградительной лентой. Вайолет насчитала три патрульных машины, «Скорую помощь», фургон и две легковушки без опознавательных знаков, припаркованных у тротуара на другой стороне улицы.

На повороте подъездной дороги, охраняя периметр, стоял полицейский в форме.

- Привет, Рубен, - сказала Вайолет.

- Викинг? Так ты сегодня на вызове?

- Да.

- Повезло тебе. Дом по соседству с тем, где в понедельник случилось похищение. Мы и в дверь стучали, и по телефону звонили - они так и не ответили.

- Шутишь... Ты приехал первым?

- Нет, первым прибыл Брюс. Он сейчас с Барри разговаривает.

Вайолет нырнула под оградительную ленту и зашагала по дорожке к своему сержанту, широкоплечему, крепкому, как дуб, парню с глубоким, как и у отца, голосом. Брюс разговаривал с патрульным, и она прошла между мужчинами.

- Привет, парни.

Сержант посмотрел на нее сверху вниз и покачал головой.

- На этот раз ты точно вляпалась, - произнес он таким тоном, словно вина за случившееся лежала на ней. - Я пойду, потолкую с Чипом и ребятами. Брюс расскажет, что??? ты получила.

- Ты в доме еще не был?

- Нет. Ордер на обыск только что дали. Бобби как раз этим и занимается.

- Эксперты уже готовы начать видеосъемку?

- Думаю, да.

- Не попросишь их подождать минутку? Поговорю с Брюсом, а потом хочу сама быстренько пройтись.

Секунду-другую сержант Маллинс смотрел на нее. Улыбался он редко. Под его хмурым взглядом Вайолет снова почувствовала себя восьмилетней девчонкой. Она знала, что он думает, потому что и сама думала то же самое: справиться с этим делом ей не по силам.

Сержант Маллинс направился к одетым в белые халаты экспертам-криминалистам, а Вайолет посмотрела через плечо на женщину, плакавшую на улице, возле лужайки Уортингтонов.

Затем повернулась к Брюсу.

Он был на год младше и только год назад закончил полицейскую академию. Они ходили в одну и ту же среднюю школу, и, хотя не были знакомы тогда, Вайолет его помнила. Брюс почти не изменился - остался таким же высоким, немного пучеглазым, с испуганным, нервным выражением лица.

Пока Вайолет доставала из сумки блокнот и ручку, он неотрывно смотрел на плачущую на улице женщину.

- Брюс? - Патрульный посмотрел на нее большими глазами. - Ты в порядке? - Он перевел дух. - Расскажи, что тут у меня. - Они стояли возле минивэна Уортингтона, и он прислонился к задней дверце. - Нет, Брюс, не надо.

Он выпрямился и кивнул в сторону улицы.

– Та женщина, что плачет, – Бренда Мурфилд. Живет неподалеку, через три дома. Сегодня, во второй половине дня...

– Точнее?

– Между половиной четвертого и четырьмя. Она подошла и постучала в дверь. Их дети часто играют вместе, и миссис Мурфилд уже два дня не видела мальчиков Уортингтонов. У нее был ключ от дома, и, поскольку они не отвечали на звонки и не брали почту, а их машины стояли на подъездной дорожке, она решила войти. Уже в передней почувствовала запах и сразу же вышла и набрала девять-один-один. Я приехал в начале шестого. Один мальчишка – под столом в кухне. Второй – в постели. Крови возле детей не заметил. Зак и Тереза Уортингтоны – в постели. Там все плохо... Остаться там долго я не мог. Извини, меня просто...

– Всё в порядке, Брюс. Это не твоя работа. Как звали мальчишек?

– Хэнк и Бен. Одному – одиннадцать, другому – семь. Бен – это тот, который под столом.

– О'кей. Мобильная группа должна быть с минуты на минуту. Периметр остается за Ройбеном. Хочу, чтобы ты подошел к миссис Мурфилд и постарался ее успокоить. Я войду и, пока эксперты не начали съемку, осмотрю. Потом, когда они возьмутся за работу, поговорю с миссис Мурфилд, так что позаботься, чтобы она не ушла.

Брюс зашагал к подъездной дорожке. Вайолет потерла руки. Ее пальто «Барбур» осталось в общем зале церкви, а с озера тянуло холодком, и ветер срывал сухие листья с огромных дубов в переднем дворе. Она постояла еще секунду-другую, а потом направилась к передней веранде, на ступеньках которой ее поджидала шумная, как стадо гусей, группка экспертов. Их присутствие пугало ее, но справиться с ними Вайолет могла. Куда больше она страшилась того, что поджидало ее в доме.

Глава 22

Сбросив туфли на каблуке, Вайолет сунула свои маленькие ножки в матерчатые ботинки, натянула на руки пару латексных перчаток и поднялась по ступенькам.

Полицейский, стоявший у передних дверей, внес ее имя в список и проставил время. Поскольку задерживаться в доме Вайолет не намеревалась, она прошла одна. Место преступления подобно деликатной экосистеме, и чем больше людей побывает в доме, тем сильнее они повредят картину места преступления.

– Я быстро, ребята, – сказала она.

– Эй, Викинг, хочешь «Викс»? – спросил один из техников. – Судя по тому, что говорит Брюс, приятного там мало.

– Нет, обойдусь.

– Я позвонил Рику и Дону, – сказал сержант Маллинс. – Будут утром, пораньше.

– Хорошо. Дело пойдет быстрее. Каждый возьмет по комнате.

Вооруженная фонариком, блокнотом и ручкой, Ви переступила порог дома Зака, Терезы, Хэнка и Бена Уортингтонов и закрыла за собой дверь. Стоя в передней, она отметила два звука: шум воды в системе центрального отопления и голоса на веранде. Оказаться в тепле после холода было приятно, хотя тепло и усиливает запах.

В доме было темно – так же, как и тогда, когда сюда попал Брюс.

Затаив дыхание, Вайолет прошла в столовую. Глаза постепенно привыкали к темноте. У обеденного стола она остановилась, ожидая, пока в тени оживут формы и детали.

А потом решительно вдохнула.

Запах. Сладковатый. Насыщенный. Запах разложения.

Запах испорченных макарон и сыра.

Настолько острый, что его можно было попробовать на вкус.

Ви вдохнула еще раз, впустив в себя запах гниения.

На втором месяце службы в Отделе уголовных расследований она столкнулась со своим первым самоубийством – жарким июльским полднем семидесятичетырехлетний больной с Альцгеймером выстрелил себе под подбородок из дробовика. Его нашли неделю спустя в небольшом трейлере без кондиционера. Хотя вонь стояла ужасная, Вайолет с удивлением обнаружила, что не может закрыться от нее, что примет и впустит в себя это жуткое зловоние из уважения и сострадания к мертвым. Висцеральная близость необъяснимым образом связывала ее сначала с жертвой, а уже потом – с разгадкой убийства.

Над озером Норман всходила яркая убывающая луна, и ее свет растекался по покрытому линолеумом полу кухни. Увидев под столом маленького мальчика, Вайолет почувствовала, как в ней что-то дрогнуло. Опустившись на колени перед столом, она смахнула упавшие на глаза пряди, включила фонарик и посветила сначала на лицо мальчика, потом прошлась лучом по всему телу. Ни странгуляционной борозды, ни синяков видно не было, но голова лежала на полу под неестественным углом.

Сломана шея. Луч скользнул сверху вниз по правой руке и остановился на сжатых в кулак пальцах. Вайолет перевела луч на другую руку, пальцы которой сжимали что-то похожее на батарейку.

Она прошла к задней двери и посмотрела через стеклянную панель в задний двор: дуб, домик на дереве, веревочные качели, озеро. Выключив фонарик, вернулась через столовую в гостиную – глаза уже привыкли к темноте и теням. Можно было бы включить свет, но Вайолет хотела увидеть все таким, каким увидел он.

В гостиной запах ощущался острее. Она остановилась и огляделась: чашка с попкорном на полу... коробка из-под кассеты на телевизоре... Киношный вечер. Она шагнула ближе, прочитала название: «Цветок красного папоротника».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее – пер. Дэмиэна Винсачи.

2

Название знаменитой композиции группы «Би Джиз».

3

«Уиндекс» – марка популярного в США средства для мытья окон.

4

Распространенное название государственного флага США.

Кукурузная каша с помидорами и сыром.

Купить: <https://tellnovel.com/bleyk-krauch/den-zakrytyh-dverey-sbornik>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)